

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

ВЕТАНА. ДАР
ЖИЗНИ

Колдовские миры

Галина Гончарова
Ветана. Дар жизни

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гончарова Г. Д.

Ветана. Дар жизни / Г. Д. Гончарова — «Эксмо»,
2017 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-04-089737-7

Ветана – маг жизни, теперь в этом нет сомнений, а значит, рано или поздно на нее начнут охоту ищейки Храма. Как быть? Бежать? Спрятаться от всего мира, поменять имя, забыть о своем призвании и молиться, чтобы не нашли? Если бы это было так просто! Но маг жизни, дар которого пробудился, не может отказать в помощи больному. Никогда. Никому. А люди, они разные. И кто знает, что перевесит: благодарность или желание получить награду? Кому можно довериться и на кого положиться? Кому не страшно открыть свое сердце? И не окажется ли молодая лекарка в подземельях хамовников после очередного «чудесного» исцеления?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089737-7

© Гончарова Г. Д., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Галина Гончарова

Ветана. Дар жизни

© Гончарова Г. Д., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

- Вета, тебе не стоит этого делать!
- Вета, разве ты сможешь прожить на оплату труда лекарки? Это даже не смешно!
- Вета, может, тебе все же стоит остаться?!
- Вета, у тебя и дара-то почти нет. Ну куда ты лезешь?

* * *

– А-А-А-А-А-А-А-А!!!

Просыпаюсь с криком и понимаю, что это сон, это только сон, а меня разбудил стук в дверь. Слава Сияющему Светлому!

Стук в дверь прекращается, и неизвестный начинает выламывать мне окно. Лупит так, что аж стекло трясется, пыль из шторок вылетает... постирать бы! Эх, некогда!

– Госпожа Ветана! Госпожа Ветана, помогите!!!

Как была, в одной ночной рубашке соскакиваю с кровати и распахиваю окно.

– Сломаешь – век чинить будешь! Сейчас открою!

Бородатая морда исчезает в темноте, чтобы через две секунды рухнуть на мой порог.

– Госпожа Ветана, радость-то какая! Дома вы!

Дома я, дома.

Бородатое нечто смотрит коровьими глазами, а поскольку темно, на улице где-то за полночь, часа три ночи (точно знаю, легла в двенадцать, мазь уваривала до последних колоколов), то именитого купца по кличке Жмых и Жмот (да-да, встречаются равно и та и другая) я опознаю не сразу. И то сказать – его сейчас и мать бы родная не узнала. Посомневалась бы – так точно. А я тем более, я-то с ним не общаюсь. Так... видела пару раз по большим праздникам...

Мужчина весь встрепан, словно его об стену били, рубаха несвежая и распахнута так, что видно волосатенькое брюшко, куртка кое-как застегнута на одну пуговицу, сапоги вообще неясно откуда...

– Госпожа Ветана, помирает!

Я привычно скрываюсь за ширмой и принимаюсь натягивать платье прямо на сорочку.

– Кто помирает?

– Так жена моя! Милочка моя! Родить никак не может, почитай, уж третьи сутки пошли...

Твою мать!!!

Выскакиваю из-за ширмы, не застегнув платье. Впрочем, купец в таком состоянии, что ему сейчас хоть обнаженную натуру покажи – не заметит. Хватаю плащ, хватаю «тревожную сумку», в которой у меня все инструменты и самые необходимые лекарства, всовываю ноги в сапожки, не тратя времени на носки, – и срываюсь с места.

За оградой моего домика ждут две лошади. Где же живет этот герой?

– Фаянсовая улица, госпожа Ветана!

Тьфу, пропасть! Фаянсовая улица – это чуть ли не через полгорода отсюда.

– Садитесь на лошадь, – команду я.

Мужчина послушно влезает в седло. Сейчас его начинает чуть покачивать, видимо, отходняк наступает. После всплеска сил – упадок, это всегда так, но мне плевать, лишь бы не свалился по дороге! Сейчас меня другая больная ждет.

Я повыше подбираю подол (плевать сейчас на все приличия) и влезая в седло. Купец, впрочем, на мои ноги не смотрит, он мысленно находится рядом с рожавшей женой. Одной

рукой хватаюсь за луку седла, второй цепляю покрепче сумку. Купец берет поводья, чтобы не тратить время на указание дороги. Ну, понеслась нелегкая!

Лошадь мчится по темным переулкам. Чтобы отвлечься от неприятных ощущений в попе, принимаюсь расспрашивать купца:

- Роды в срок начались?
- Да, госпожа!
- Ребенок один?
- Лекари говорят, что один.
- Почему сейчас за мной поехали?

Я себя, конечно, уважаю и ценю, но в Алетаре обо мне мало кто знает. Ну девчонка, ну лекарка... Да много таких! А Жмых – купчина не из бедных, мог бы и на придворного мага разориться?

Не мог бы.

Придворный маг в принципе к незнатным не ходит. А если ходит, то такие цены ломит за свои хождения, что лучше б убивал сразу. Но... Жену Жмых, видимо, любил. Потому что мага пригласили.

И услышали вердикт.

Либо жена, либо ребенок. И времени на решение – сутки, потом ни одного будет не спасти. Жмых заметался, понимая, что есть вещи, от которых не откупишься. Никакого золота не хватит, чтобы выкупить у Темного любимого человека, никакие бриллианты не отведут косу смерти.

Тут-то ему про меня и сказали. Мол, живет такая, там-то и тут-то, помогает, кому может. Попробовать-то всяко не отвалится? Когда тонешь, так и за гадюку схватишься, госпожа лекарка.

Я представила себя в роли гадюки, за хвост которой ухватился тонущий в болоте Жмых, и поняла, что дело идет к разрыву. Но долго предаваться кошмарным видениям мне не дали. Хорошая все-таки лошадь, быстро доскакали, и слуги помогли мне спешиться.

Потерев зад, я покрепче ухватила сумку, отмахнувшись от слуги, который предлагал понести ее, и вопросительно посмотрела вокруг.

Ну, куда идти?

Идти было недалеко. На второй этаж, где уже не кричала от боли, а только тихо постукивала при очередных спазмах хозяйка дома.

Молодая, наверное, симпатичная, со светлыми волосами... Больше сейчас ничего было не разглядеть. Лицо осунулось и посерело, щеки ввалились, глаза запали и покрылись красноватой сеточкой. Невидящий взгляд устремлен в потолок.

Ту грань, которая отделяет человека от животного, она уже перешла. Сейчас это было уже просто тело. Страдающее, мучающееся. И ребенку тоже было плохо. Но он еще был жив, это я точно знала.

Беру ее за тонкую кисть, вслушиваюсь в пульс, считаю токи крови...

Да, придворный маг прав. Очень скоро выбор станет безвозвратным. Либо мать – либо дитя. Но что же он ничего не сделал?!

- Деточка, помоги!
- Тетя Сельма?
- Да, деточка! Помоги, а? Я-то знаю, ты можешь...

Я оглядываюсь. До этой минуты я никого не замечала, кроме роженицы, а оказывается, в комнате еще полно народа.

Две пожилые женщины, по виду – повитухи, с сокрушенным видом стоящие у кровати, мужчина ученого вида, явно лекарь, тетя Сельма, две служанки из тех, что постарше и поопытнее... Нет, весь этот балаган мне не нужен.

– Помогите, госпожа!

Жмых тоже добрался до комнаты и теперь стоит, смотрит на меня умоляющими глазами.

Лекарь надменно кривит губы:

– Еще одна знахарка?! Да что они могут, эти неумехи?! Вы что, не понимаете, что надо...

Что ему надо – я не дослушиваю. Выпрямляюсь во весь невысокий рост. Даже голос начинает звучать, как у бабушки Тойри.

– Всем замолчать. Ты, – палец утыкается в служанку, – живо сюда таз с горячей водой, мне руки помыть надо. Вы двое – вон. – Повитухи покорно выходят за двери. Отлично понимают, что дело плохо пахнет, а случись что, кто крайним-то окажется? Лекарь с грамотой? Ой, вряд ли. Они и будут... Разное бывало. И били повитух, и из города выгоняли, и много чего еще...

Служанка уже умчалась. Я смотрю на лекаря.

– Что вы предлагаете? Звать мага? Когда?

– Утром он обещал прийти. А пока можно оставить женщину в покое...

– А ничего, что она мучается? – нежно уточняю я.

– До утра она доживет. Я ей дал...

Оттягиваю веко, смотрю белок глаза.

– Экстракт болотника?! Это же вредно для ребенка!

– Ребенка уже не спасти, – фыркает это... светило.

Мое терпение лопается.

– Вон отсюда!

– Что?! Да ты, женщина...

Я разворачиваюсь к купцу.

– Все вон. Сельма, останься, поможешь!

– Да какое право... – начинает было лекарь, но я перебиваю его:

– Право человека, который сейчас будет пытаться хоть что-то сделать, а не стоять в углу с умным видом. Не получится – так хоть убивайте! Но сейчас не мешайте мне работать!

Жмых усилием воли собирается и выводит лекаря из комнаты. Я вздыхаю, быстро и уверенно отмываю руки от грязи в принесенном тазике, гляжу на Сельму.

– Тетя, поможете?

– Да, Веточка. Делать-то что?

Достаю из сумки лекарства, раскладываю рядом. Красные, желтые, синие пакетики – не роскошь, необходимость. Мало ли кто тебе будет лекарства подавать, так не попутают.

Острый нож в чистой тряпице, склянка с крепким вином (последним я тут же протираю руки), специальная мазь...

– Дверь закрыть. Никого сюда не пускать. Подашь, что попрошу.

Засов с лязгом опускается в гнездо. Сельма подходит, смотрит на меня. С надеждой смотрит.

– Спаси ее, дочка. Она мне что родная...

Я молча киваю. Сельма знает, я и так сделаю что смогу. И принимаюсь привычными движениями разминать пальцы.

Ощути себя.

Ощути свою силу, слейся с миром, зачерпни полной горстью. Сила вокруг тебя, надо просто уметь ее передать тому, кто нуждается. Наш мир велик, он не оставит своих детей без помощи, просто мы разучились ее просить.

Раскрой свою душу миру. Ты это можешь.

Вдох, еще вдох.

Теперь я спокойна. Под полуприкрытыми веками вырисовывается комната. Вещи я почти не вижу. Вижу пятно рядом с кроватью – Сельма. Оно окрашено в тревожные красные тона,

оранжевые, желтые, грязно-зеленые. Надо сказать потом тетушке, печень у нее пошаливать начнет. Пусть настойки пропьет.

Но это потом, потом.

Мое внимание притягивает пятно на кровати.

Сейчас эта женщина – смесь багрово-красного и черного. Оранжевые всполохи боли, черные пятна там, где скопились сгустки крови, и среди них – одно голубое пятнышко. Ребенок пока еще жив, но его пятнышко все больше затеняется розовым. Ему тоже плохо.

Настойка болотника, которую дал этот идиот, не приглушила боль. Она просто увела сознание женщины в иной мир, лишила возможности бороться, сделала слабой...

Касаюсь руками пятна, провожу пальцами.

– Желтую баночку.

В руку мне толкается привычный холод фарфора. Я открываю крышку, зачерпываю мазь, щедро размазываю ее по рукам. Я знаю, в чем дело. Ребенку еще рано выходить в мир, но что-то заставило женщину начать роды раньше времени.

Что?

Это мне потом тетя Сельма скажет. Важно то, что тело женщины уже избавилось от воды, а вот ребенка выпустить пока не может. Странно, что никто этого не понимает... А сонная настойка вообще лишила его желания двигаться и действовать.

Наносу уверенными движениями мазь, с каждым разом пробираясь все дальше и дальше. Если этого не сделать, ребенок просто разорвет мать.

Женщина под моими руками стонет, но в себя не приходит. Ну и ладно, переживем.

– Вдень нитку в иглку, возможно, придется шить, – командую я. – Нитки в желтом пакетице, осторожнее.

Я не смотрю, выполняет ли Сельма мои приказания. Вместо этого я сосредотачиваюсь на женщине. И – на крохотном голубом пятнышке. Ну-ка иди ко мне, малыш. Я знаю, там тебе хорошо, а сюда тебе вовсе даже не хочется. Ты не собираешься выползть в наш мир, где так холодно, страшно и непривычно. Но я зову – и ты подчинишься.

А еще... вот так.

Золотистые искорки силы бегут по моим пальцам, скапливаются на голубом пятнышке, скользят внутрь женщины, и я ощущаю, как шевелится ребенок. Как медленно-медленно, нехотя, он начинает свой путь ко мне. К моим рукам.

Наружу.

Женщина под моими руками вскрикивает. Даже сквозь дурман – ей больно. Конечно, милая, а ты как хотела? Это не просто так, это привести новую жизнь в мир. Эх-х, если бы меня позвали раньше... Тогда бы и так мучиться не пришлось. Но здесь и сейчас я знаю, что иного выхода нет. Можно уйти и бросить роженицу. Пожать плечами и сказать, что я ничего не смогла сделать. Можно.

Но я обещала бабушке...

Пятно за моей спиной вспыхивает оранжевым. Сельма волнуется.

Я не отвлекаюсь, я продолжаю звать и чуть надавливать на живот роженицы. Ровно с той силой, с которой нужно, чтобы ребенок двинулся на выход, а я ничего не повредила. Знаю я, как в таких случаях и ребра ломают.

Роженица стонет, не приходя в себя.

Ребенок принимается пробиваться наружу – и тут женщину настигает самая страшная боль. Она вся вспыхивает красно-черным. Выгибается на кровати. Тонко, жалобно кричит...

Сейчас я не обращаю внимания на ее мучения. Мазь смягчила что могла, охладила, немного обезболела, это все, что можно сейчас сделать.

И – звать.

Еще немного, еще чуть-чуть... Резко надавливаю на опустевший уже живот. Крик разрывает уши, мешая сосредоточиться. Искры срываются с моих пальцев одной яркой вспышкой – именно этого не хватает роженице для последнего усилия.

– УА-А-А-А-А-А-А!!!

На руки мне выпадает комочек, выпачканный кровью, слизью, моей мазью...

Как можно скорее передаю его Сельме, выхватываю у нее из рук нитку с иглой. Все-таки без разрывов не обошлось. Кровь льет по пальцам, горячая, красная... По счастью, искры все еще со мной, так что я просто вижу, где надо шить.

Ни одна вышивальщица не работает так быстро и четко, как лекарка, стремящаяся спасти больного. Сосуд пережимается, стежки быстрые и точные. А ведь никогда мне эта наука не давалась.

Минута, другая... я понимаю, что скоро меня выкинет из этого состояния, как котенка за шкурку, спешу что есть рук. И – успеваю. Затягиваю последние узлы, перевязываю пуповину, вглядываюсь в мать и ребенка.

Ребенок здоров, хотя настойка сказала на нем не лучшим образом. На пару дней ему бы кормилицу. Мать... с той хуже. Упадок сил, разрывы, кровотечения... но лекарь должен справиться. Кормить получше, не трогать несколько дней, да... и ребенка не давать. Пока эта настойка из нее не выйдет.

Почти без сил падаю на кровать.

– Вета, Веточка...

Тетя Сельма.

– Все в порядке. Можно водички?

– Д-да... пускать их?

– Кого?

Только сейчас замечаю, что дверь содрогается под натиском чьих-то могучих плеч.

– Э...

Ответить тетя не успевает. Засов выдерживает, а вот щеколда – нет. Вылетает, прозвенев по полу. В комнату вваливается несколько человек – и замирают. Я даже знаю, что они сейчас увидели.

Тетя с ребенком на руках. Жена Жмыха на кровати – краше в гроб кладут. И я – тоже на кровати. Сил никаких не осталось. Кто бы знал, сколько у меня это забирает?!

– Милочка!!! – Жмых рвется к жене, хватая тонкую руку, сжимает что есть сил. – Да как же... Да на кого ж...

Что есть оставшихся сил, бью его кулаком по плечу. Лишь бы внимание обратил. Оборачивается ко мне. Лицо серое, глаза безумные.

– Разбудите – убью. Ей теперь пару дней отсыпаться, а потом кормить получше. Ребенка пока не давать, найдите кормилицу.

Кажется, из моего монолога он понимает только одно слово.

– Отсыпаться?! Живая?!

Глаза не закатываю, голова трещит так, что это усилие будет стоить мне сознания.

– Живая. И ребенок жив. Мальчик, да, Сельма?

– Да, Веточка. Мальчик. Здоровенький...

В следующий миг меня сгребают в медвежьи объятия. Жмых возрадовался.

– Госпожа лекарка! Да я...

Что – он, я так и не успеваю понять. Сознание все-таки гаснет, когда тело лишают последних крох воздуха.

* * *

Когда я прихожу в себя, на небе занимается рассвет.

Мое окно?

Нет, не мое. Обвожу все вокруг взглядом из-под ресниц. Незнакомая комната, но уютная и красивая. Рядом со мной сидит тетя Сельма, дремлет. Воспоминания налетают ураганом. Роды, сила, ребенок, сломанная дверь...

– Живы? – выдыхаю я.

Тетушка Сельма дергается, едва не падая на пол, потом трясет головой и пытается кинуться ко мне. Я едва успеваю вытянуть руку.

– Не надо! Устала!

Руку хватают в клещи и принимаются покрывать поцелуями.

– Доченька! Веточка! Спасибо тебе!!! Живы, и Милочка моя, и сынок ее... ЖИВЫ!!!

Вот ради таких минут и живешь. Когда понимаешь, что все правильно и не зря. Я расслабляюсь.

– Слава Сияющему Светлому!

– Ты прямо там сознания лишилась, лекарь тебя осмотрел, сказал, что устала ты сильно, тебе бы отоспаться...

– Дома отосплюсь.

Откидываю одеяло и обнаруживаю, что лежу, как была, в платье, только что без сапог.

– Тетя Сельма, помогите?

– Да куда ж ты! Спозаранку-то?! Хоть до завтрака останься!

При слове «завтрак» желудок издает такое урчание, что я вспоминаю об извержении вулкана. А дома-то мышь повесилась, хлеба и того нет.

Тетя Сельма понимающе улыбается.

– Сейчас, девочка, сейчас. На кухне уже воду греют, я сейчас у них спрошу чего...

Тетя уходит, а я несколько минут лежу в мягкой кровати с роскошным кружевным бельем. Да, было и у меня не хуже. И белое кружево, и большая комната, и роскошные платья...

Все.

Не думать, не вспоминать, выкинуть все из головы раз и навсегда! И... пару минут полежать в этой кровати.

* * *

Вместо тети Сельмы в комнату заходит тот лекарь.

– Доброе утро, госпожа Ветана. Как вы себя чувствуете?

– Все в порядке, – честно отвечаю я.

– Мы испугались вашему обмороку.

Он присаживается на кровать, берет меня за руку, считая пульс. Ну, смотри-смотри, все равно ты ничего не обнаружишь!

– Я в порядке. Просто встала рано, потом весь день крутилась, вечером мазь варила, заснула за полночь, а потом такое... Ну и получился обморок, – заверяю я с самым невинным видом.

Лекарь кивает.

– Что вы сделали с роженицей?

– Ребенок неправильно лежал, я его просто повернула. Видите?

Протягиваю руку. Кость у меня тонкая, да и вообще я мелкая и щуплая. Рядом с ладонью лекаря мои пальцы кажутся еще меньше и тоньше. Лекарь смотрит недоверчиво.

– Но повитухи...

– Я уже видела такой случай. Бывает...

– Ну-у...

– А вы еще опоили ее настойкой, ребенок и двигаться перестал.

Лекарь злобно засопел.

– Что-то вы все равно сделали...

– Помогла человеку, – мгновенно согласилась я.

Ответом был недобрый взгляд. Ну и пусть его, перебедем. Все равно тетушка Сельма будет молчать, а больше никто ничего не докажет.

Вот и она, легка на помине. С бо-ольшим подносом, на котором – кувшин с молоком, свежий хлеб, жареная гусиная нога... И куда только мои манеры делись? Я вцепилась зубами в еду, начисто забыв про вилки-ложки, еще и пальцы, кажется, облизывала.

– Госпожа Ветана!

Жмых влетел в комнату ураганом, но на колени перед кроватью падать не стал, и то дело.

– Госпожа Ветана, если б не вы...

– Да это любой бы лекарь сделал, коли б захотел, – не моргнув глазом подставила я сопящего лекаря. Судя по недоброму взгляду Жмыха, ничего приятного вроде оплаты тому не светило.

– Маг заходил, сказал, что жить будут, и мать, и ребенок.

– Вот и ладненько. Доставите меня до дома?

– А то как же, госпожа Ветана. И карету сейчас прикажу заложить, и покушать вам с собой прикажу собрать, и... я для вас что угодно! Вы ко мне в лавку заходите, а?

Я вежливо покивала. Вот уж чем я пользоваться не собиралась, так это человеческой благодарностью. Очень ненадежная валюта.

Но до дома меня доставили честь по чести. А в кошелечке, который я обнаружила в здоровущей сумке с едой, оказалось аж пять золотых.

Живем! Этого мне на полгода арендной платы за домик хватит! Хотя деньги пришлось прятать в лиф платья, потому как...

– Госпожа Ветана! Госпожа Ветана, вы дома?

– Дома я, дома...

– Госпожа Ветана, у нас Маська ногу сломала!

– Маська – это кто? – строго поинтересовалась я, отлавливая сорванца за шкурку. С ними так – не уточнишь, так и жабу на лечение принесут, а то и кого похуже.

– Так сестренка моя. В погреб полезла, а там мышь, вот она напугалась и оскользнулась. Лежит теперь, причитает...

Я вздохнула и закинула на плечо неизменную сумку.

– Пойдем. Показывай, где там твоя сестра.

Глава 2

Да, доля лекаря именно такова. Покоя тебе не будет ни днем, ни ночью, ни утром, ни вечером. Его вообще не будет. Работа эта часто тяжелая, неблагодарная, больные – народ непростой, но есть моменты, которые все окупают. Хотя это и не тот случай.

Ты этой Маське – в миру Массилии (и чем родители думали, обзывая так чадушко?) – ногу вытягиваешь, вправляешь кость на место, строго-настрого предупреждаешь, чтобы лежала месяц, а в ответ слышишь: «Я не могу, у меня жениха уведут!»

Ага, а кривоногой остаться ты на всю жизнь можешь? И вообще, что это за жених такой, которого увести можно? Если он баран, так и пес с ним, ты-то не овца!

Еще и родители кивают: как же, а кто за малыми приглядит, по хозяйству управится, обед сготовит? Но напугать я их напугала качественно, в красках описала будущее кривоногой дурынды, может, чего и дойдет. И все равно домой возвращалась не в лучшем настроении, а в голову лезли мысли, которым я настрого запретила приходить.

А мыслям было все равно.

Как там родители? Как брат? Сестра? Замуж-то вышла, поди?

Эх, тяжело жить на свете. Ладно, сейчас займусь делом да сонную настойку приготовлю. Хотя и ругалась я на того лекаря, а все ж вещь полезная. И мазь на гусином жире у меня, считай, закончилась, всю вчера извела. Надо работать, надо.

Ох ты, легок на помине.

– Госпожа Ветана?

Лекарь стоял у калитки и внимательно смотрел на меня. Захотелось даже плечами передрнуть, хотя ничего противного в нем вроде не было. Высокий, светловолосый, глаза голубые, ясные. Улыбка тоже вполне приличная, но губы слишком толстые и красные, мне такие не нравятся. Одет хорошо, неброско, но вот бывают же такие люди! И слова тебе еще сказать не успели, а ты уже твердо знаешь, что вы не подружитесь!

– Чего угодно, господин хороший?

– Госпожа Ветана, а давно вы в городе?

Разговор мгновенно перестал мне нравиться.

– К чему вам?

– Вы же не из Алетара, верно? Возможно, Риолон? Или Теварр?

Я перевела дух. Ну да, внешность у меня нетипичная, особенно для этих мест. Я невысокая, черноволосая, с серыми глазами и смуглой кожей. Более того, в моих родных местах я тоже выгляжу странно. У нас там в основном голубоглазые блондины.

– Простите, а почему вас это интересует?

– Вы сделали то, что я не смог. Разумеется...

– Вам хотелось бы научиться? Но у вас так все равно не получится, у вас руки крупнее...

Лекарь вздохнул.

– Наверняка...

– Извините. Я устала и хочу отдохнуть.

– На чашечку чая не пригласите, госпожа Ветана?

– Я незнакомцев не приглашаю, – отрезала я.

– Так я представляюсь. Дэйв Крамар...

– Извините, господин Крамар. Всего хорошего.

Я невежливо шагнула в дом и захлопнула дверь перед его носом. Привалилась спиной к двери.

Идиотка. Ведь сколько раз зарекалась, сколько раз! И все равно не удержалась. Дура. Безмозглая дура. А так все хорошо начиналось...

Мысли сами собой скользнули в тот день, пятнадцать лет тому назад.

* * *

– Ветка! Веточка, слезай!

Вот еще. Я слезать и не собиралась. На дереве хорошо, удобно, а внизу меня опять заставят умываться и идти учить скучный этикет.

– Ветка! Немедленно вниз!

Няня смотрела грозно. Я замотала головой.

– Сейчас попрошу Тима, чтобы он тебя снял!

Я скорчила рожицу. Вот еще! Не слезу, не слезу, не слезу! Ни за что!

– Ти-им! Тим!

Тим показался из-за угла. Внук моей няни, он был взят помогать конюху, ну и иногда мы играли вместе. Когда никто не видел.

– Тим, сними эту негодницу с дерева!

Взгляд голубых глаз Тима остановился на мне.

– Вета, слезай!

Вот еще! Я только замотала головой.

– Вета, пожалуйста!

Бесполезно.

Тим вздохнул – и полез вверх по дереву. Не учел он того, что я в полтора раза мельче. И вешу меньше, и по деревьям лазаю, как белка. А у него под ногой ветка хрупнула. Метнулась вспугнутая птица, треснула ветка – и мальчишка полетел вниз. И замер неподвижно. Няня взвыла, падая рядом с ним на колени.

Как я слезла, я и по сей день не помню. Помню только, как стояла на коленях перед неподвижным телом и отчетливо видела, что это удар. Вот у него над затылком наливается чернота, но я же могу! Я могу ее прогнать, просто надо погладить и попросить...

И я гладила, и просила, а няня стояла рядом на коленях, смотрела, как с моих пальцев льется золотистый свет, как становится все более спокойным лицо ее внука, – и, думаю, понимала, что все только начинается.

С Тимом-то все было в порядке, а вот со мной – нет.

Существует несколько стихий, которыми владеют люди. Воздух, земля, вода, огонь, жизнь, смерть, разум. Первые четыре встречаются чаще всего, но и выражены слабо. Подумаешь там: кто-то свечки зажигает, кто-то град вызвать может... Сильно это ни на что не влияет. Стихии – они капризные. И дар по-разному может проявляться. Лечат чаще всего маги воды, человек – это тоже вода, больше чем наполовину. А маги воздуха могут сообщения передавать на большие расстояния, ветер ведь шепчет... Разное применение бывает у дара.

А вот жизнь, смерть и разум...

Разум встречается реже всего. И слава Светлому. Верьте, страшны люди, которые способны воздействовать на чужое сознание. Впрочем – если доживают. Нет, специально никто их не убивает, но я читала, что ментальный дар – это как постоянно жить посреди рыночной площади, где все орут, шумят, бегают, ругаются... И все это тебе в уши. Рано или поздно такие люди просто сходят с ума. Так всегда бывает. Да и мало их. Один-два на десять тысяч.

Смерть.

Некроманты встречаются чаще, но стараются не заявлять о себе. Повелителей мертвых с сильным даром – единицы. Кстати, правитель Раденора, говорят, сильный некромант, это их семейный дар, но... слухи. И только слухи. Король таких намеков не одобряет, нечего его родословную языком трепать. Так-то. С некромантами связываться боятся. Ты его обидишь, а он тебя так проклянет.

А я... Я отношусь к последней категории. Маги жизни. Самая беззащитная разновидность мага. Лечить других могу, а вот защитить себя – нет. Даже если человек, который лежит передо мной, будет желать моей смерти. Даже если после исцеления к моей шее приставят нож.

Даже если...

Случаи были разные, очень разные, но все сводились к одному. Разрушать, убивать, причинять вред такие, как я, не умеют. Вообще. Нашей силе это не свойственно.

А теперь представьте, что может сделать человек, если рядом находится источник здоровья? Бесконечный источник. И можно им пользоваться в любой момент, и... защититься-то я не могу!

Никак.

Няня понимала это лучше меня. И понимала, как нам повезло, что никто не увидел моей инициации. Перепугалась я за Тима, вот сила и выплеснулась, самопроизвольно. Это было первое везение.

Второе же...

Вторым везением была моя бабушка со стороны матери. Бабушка Тойри была умна и мгновенно поняла, что надо хранить тайну от всех, включая мать и отца. Вообще от всех. Только с ней няня и поделилась, и бабушка тут же взяла меня в оборот. Отчетливо понимая, что дар ничего не стоит без огранки, как и алмаз – поди еще, распознай его, – она позаботилась о моем обучении у местной травницы. Объявила, что быть мне женой знатного человека, а потому я должна уметь лечить себя, мужа, детей...

Родители подумали – и признали это верным. В итоге и я, и сестра обучались у травницы. Я изучала мази, настойки, ходила с ней к крестьянам. Училась всему, вплоть до того, что принимала роды. Сестре, кстати, это не давалось. Слишком грязно, кроваво и воняет. Вот!

А мне не давалось вышивание шелком и золотом. Зато раны я зашивала лучше своей учительницы, и заживали они намного быстрее. Я-то силу вкладывала. Тогда еще не умела ничего толком, училась просто, а крестьяне подметили. Меня начали называть маленькой волшебницей, маленькой госпожой, лечебной девочкой... И как же мне это нравилось!

И опять мне демонски повезло.

Бабушка Тойри наблюдала за этим, не вмешиваясь. Она-то знала, что будет дальше, еще как знала. И готовилась.

А потому...

Однажды в ворота замка влетела карета, запряженная шестеркой, и из нее вылезла женщина, при виде которой даже вороны замерли на дереве, не смея каркнуть. Храмовница, да не из простых, а из высокопоставленных. Об этом говорили и дорогая ткань ряс, и надменное выражение лица, и драгоценности на сарделькообразных пальцах, и даже тон, которым она потребовала проводить ее пред родительские очи и показать меня.

Хорошо, что я была в замке. Перепугалась так, что опрометью бросилась к бабушке. Тогда-то и состоялся разговор, который определил мою судьбу на годы вперед.

Осторожность, осторожность и еще раз осторожность. Это мне тогда бабушка сказала. Мол, думай. *Такие, как ты, нужны всем. Твои услуги бесценны, но вот кто будет на них зарабатывать?*

Пресветлый Храм?

Они смогут получить с тебя все возможное, поверь мне. Смогут заставить тебя. Лаской ли, таской ли, и ты станешь работать на них, как покорная служанка. Лечить кого они прикажут, подпитывать жизненной силой. И ни нормальной семьи, ни детей у тебя не будет. Кто ж захочет терять дойную коровку? В крайнем случае подсунут кого-то из своих, а ты будешь жить во лжи. И детей рожать во лжи, и воспитывать тебе их не дадут, и судьба у них будет такая же, как у племенных кроликов. Проявится талант – будут использовать. Нет? Не проявился? Поищем подходящих эсен-мужей и попробуем его получить. Так-то.

Родители?

Эти будут рады. Но используют твой дар ради усиления своего влияния при дворе. И продадут тебя тому, кто даст наибольшую цену. Любить-то они тебя любят, но земли, титулы, деньги тоже любят. И здоровье они не утратят, просто договорятся тобой пользоваться.

Муж?

Да то же, что и родители. Хочешь быть племенной кобылкой, которую выпускают изредка на скачки? Прогуливают – и опять в конюшню?

Хочешь?

Я не хотела. А потому безропотно согласилась на все. И проглотить небольшую бляшку, которую дала мне бабушка, и врать, и умалчивать, и... На что бы я тогда ни пошла, чтобы выжить!

Храмовница осматривала меня и так и этак, но никаких признаков силы не нашла. Я терпела, стиснув зубы, хлопала глазами и уверяла, что все врут. Просто крестьянам лестно.

Раны быстрее заживают? Да все может быть! А я тут при чем?

Мне поверили.

Храмовница уехала, а я уже потом узнала, что бляшка эта была сильным амулетом, который скрывает ауру. Прячет силу, не показывает ее. Применять-то ее можно, но отблеска силы в моих глазах никто не увидит, вот что главное. Бабушка объяснила, что такие амулеты делали раньше для некромантов, что она чудом раздобыла один и что потерять его будет излишней роскошью.

Я и не потеряла. Амулет вышел сам, через несколько дней, и с тех пор я с ним не расставалась. Жить хотелось.

И – не в клетке.

* * *

Худо ли, бедно, я дожила почти до девятнадцати лет, и дожила незамеченной. Силу применяла, но по мелочам. Так... подлечить кого-то из родных, дать отвар, сделать массаж, размять плечи и заодно убить старую боль, помассировать виски и уничтожить зарождающуюся болезнь.

Никто этого не замечал, тем более что на легкие болячки вроде простуды я не охотилась, родные болели, как и раньше. Бабушка отличалась завидным здоровьем, но это обычное явление. Это – бывает.

Я научилась разбираться в травах и собирать их, сама составляла мази и зелья, прекрасно зашивала раны, принимала роды и складывала сломанные кости. Мне было несложно и интересно.

Бабушка подарила мне на совершеннолетие набор лекаря. Инструменты, с которыми я не расстаюсь и, даст Светлый, не расстанусь. Хорошие, из закаленной миелленской стали. Уж что мастера туда добавляют – не знаю, но ржавчины они не боятся.

Себя без лечения людей я не мыслила, но в остальном собиралась прожить жизнь как и подобает. Муж, дети, своя семья. А лечить я буду втихаря, как и раньше. Не говоря никому. Не будет ведь муж мне это запрещать? Это и ему прямая выгода?

Я надеялась на это, но... Беда пришла, откуда и не ждали.

Беда – она всегда приходит неожиданно.

* * *

– Госпожа Ветана! Госпожа Ветана!!!

Вопль вырвал меня из размышлений, оторвал от размешивания мази. Хорошо хоть рука не дрогнула. Пересыпала бы чистотела – и начинай сначала, очень уж травка капризная. Но и хорошая тоже. Мазь с чистотелом у меня хорошо девчонки берут. Как сладкого обкушаются да как мордочку им обсыплет, так и бегут. Помоги, Веточка, миленькая...

А что я?

Мазь-то я дать могу, а вот запретить лопать что попало – нет. Вылечились, налопались – опять за мазью бегут! Вот и приходится ее варить в диких количествах.

В дом влетел мальчишка лет семи. По виду – типичное портовое отребье. Есть там такие мальки, их так и называют. Мальки, селявки. Иногда одиночки, иногда стайки. Живут где-нибудь в порту, там же и работку находят, пристраиваются к какой-нибудь артели на побегушки, их за это кормят, а то и парой медяков оделяют. А как мальки подрастут, так в эту же артель и уходят. Рыбаки там, грузчики, плотники – да мало ли в порту работы? Чай, с голоду не помрут.

Вот и этот, хоть и был взъерошенным, грязным и даже... зареванным? – да, определенно, это была не просто грязь, на щеках явственно виднелись две дорожки от слез – но глаза блестящие, а судя по резвости движений, мальчишка не голодал. Одежка хоть и не слишком чистая, но и не особо рваная, да и на ногах сапожки. Хоть и с дырками, хоть и потертые, хоть и в обмотках, но все не босиком.

– Госпожа Ветана! Меня за вами дядька Тимир послал!

– Что случилось? – устало спросила я, протягивая руку за кувшином и заливая огонь в маленькой жаровне, которую использовала для изготовления мазей и настоев.

– Они эта... тюки грузили. А потом ящики поехали...

Из сбивчивой речи мальчишки, обильно пересыпанной крепкими моряцкими словечками, я поняла, что артель грузчиков, рядом с которой и терся малек, грузила тюки и ящики на корабль «Розовый лебедь». И один ящик оказался слишком тяжелым. Грузчики не рассчитали усилий, отпустили ящик, тот поехал по сходням и крепко приложил одного грузчика и одного плотника, не успевших вовремя увернуться. У одного нога, а второй совсем плох, ей-ей, очень плох...

Мальку и сказали бежать ко мне.

Почему? Так дядька Тимир же! У которого я ребенка вылечила! Он и сказал, что лучше госпожи Ветаны не найти. Берет она недорого, а лечит хорошо.

Слушала я уже на бегу, крепко закрывая мазь крышкой, накидывая плащ и влезая в сапожки. Мальчишка стоял рядом, держа мою сумку. Уже собираясь выходить, я крепко цапнула его за ухо.

– А ну положи на место. Случись что с тобой – опять сюда прибежишь, в мои руки и попадешь. Последнее дело воровать у тех, кто тебе пригодится.

На место вернулись мои перчатки. Старые, тряпичные, и вообще им цена – медяк, но тут дело в принципе. Вот еще не хватало – у себя воровать позволять.

Малек засопел.

– Бить будете?

– Нужен ты мне больно, – с чувством ответила я, запирая входную дверь. – Тимиру скажу, пусть сам с тобой разбирается.

Этого с лихвой хватило, чтобы всю дорогу до порта мальчишка угрюмо молчал, а когда оставалась уже пара минут, попросил:

– Вы эта... не рассказывайте дядьке Тимиру. Пожалуйста. Он меня выгонит.

– И правильно сделает. Я вот промолчу, а ты еще у кого чего скрысятишь, – не поддалась я. – Мне перчаток не жалко, только ты потом и у нищего корку хлеба отнимешь.

– Я ничего ценного не беру. Честно. Просто чтобы руки не забыли, мало ли что.

– И почему у тебе не верю?

– Госпожа Ветана!

Тимир был все таким же огромным. Мигом выхватил у меня сумку, стиснул в объятиях и потащил за собой.

– Хорошо, что вы пришли.

– Неуж в порту своего лекаря нет?

Лекарь был, что верно, то верно. Но этот достойный человек вчера немного переусердствовал с одним из лекарств, которое называлось винная вытяжка, и был с утра недееспособен. А лечить-то требовалось сейчас. Его уж и в воду башкой окунали, и трясли по-всякому – не помогает. Мычит только пакостно, что та корова, а лечить его точно допускать нельзя. Он сейчас и здорового угробит!

Так что я слушала жалобы Тимира, пока шла к месту катастрофы, и мысленно ругалась. Ну да, пока за лекарем, пока убедились, что он никакущий, пока за мной... Застану ли я кого в живых? Смогу ли вытащить?

М-да...

Все было плохо. Очень плохо, и я это видела. Двое пострадавших лежали на грязном причале, а вокруг толпился народ, не зная, что делать. Оценить ситуацию было делом минуты.

Двое мужчин. Оба – от тридцати до сорока, оба здоровые... были. Сейчас у одного, считай, ноги не было, вместо нее – ошметки и лохмотья, из которых торчали осколки кости. Рана заканчивалась чуть выше колена. Надо ампутировать. Второй лежал неподвижно, но чутье просто орало, что тут тоже легко не обойдется.

Начинать осмотр будем с того, который неподвижен. Тот, кто без ноги, весь на виду. У него других повреждений нет. Надо резать, шить... Не на грязном же причале это делать?

А вот тот, который лежит молча... там что угодно может быть. От переломов до внутреннего кровотечения. Надо сначала определить, что с ним, а то пока я буду у первого ампутацией заниматься, второй тихо-тихо да и помрет.

Подхожу к нему, опускаюсь на колени прямо на сырые доски причала – не время жалеть платье. Касаюсь рук, ног, привычными движениями прошупываю мышцы – и незаметно для всех вслушиваюсь в отклик. Это как дергать струны – порванная не отзовется. А порванные тут есть, еще как есть.

И – плохо.

Ушиб сильный, несколько ребер сломано, но это мы и сложим, и прибинтуем. Справимся. А вот вторая травма...

Темного крабом!

У мужчины проблемы с позвонками. Трещины, кое-где сломаны отростки, мышцы напряжены, все в спазме. Спинной мозг уцелел, но если будет отек, то как там еще сложится? И лечить долго. А попал бы к другому лекарю, мог и калекой остаться. В лучшем случае. В худшем...

И что делать?

А что я могу? Я – могу срastить повреждение, но не здесь и не сейчас. Кровотечения? Что-то срочное и серьезное – есть? Нет, нету. Фу-у-у...

Ладно. Тогда...

– Тимир, их надо обоих перенести ко мне. Там займусь. Грязно здесь, да и света уже скоро не будет.

Мужчина кивает.

– Сейчас.

– На доски их положите, да осторожнее. Не на носилки, на доски, на жестком нести надо.

Тимир внимательно слушает, потом рявкает на грузчиков – и на причале начинает крутиться хоровод из людей. Ровно через пять минут оба пострадавших осторожно перегружены на доски, и мы движемся по направлению к моему дому.

Я иду вслед за носилками и расспрашиваю Тимира. Сама поглядываю на того, кто без ноги. То, что он еще жив, – чудо. Тут надо срочно ампутировать остаток культы и шить. Он бы кровью уже истек, но чья-то умная голова перехватила ногу выше травмы поясом и так закрутила жгутом, что кожа вокруг уже синее. Даже скорее – в черный цвет.

Плохой знак.

– Давно случилось?

– С полчаса как... ну, чуток больше. За вами сразу послали, госпожа Ветана, – басит Тимир.

Сначала за лекарем, потом уже за мной... А время в таких ситуациях – величина переменная. Кажется, вот-вот беда случилась, а солнце почему-то к закату клонит.

Вот и мой дом. Повинуясь моим приказам, мужчин сгружают в нужные места. Того, кто на ампутацию, – на большой, специально заказанный стол. Я выдохнула и посмотрела на Тимира.

– Подать мне сможете, что скажу?

– Не лекарь я, – мужчина чешет в затылке, вызывая желание по нему треснуть. Вот что с людьми случается? Вроде и неглупые, и всем хороши, а как до травм доходит, до крови, так куда чего девается? Остальные тоже отползают на приличное расстояние, чтобы никого не припахали помогать. Я прищуриваюсь – и мужчины вообще пятятся раком, находя попами дверь из дома. Эх вы... герои.

Не трусость, нет. Это как-то иначе называется. Но сейчас оно особенно некстати.

– Я могу подавать, – прорезался малек. Ишь ты, не остался в порту, сюда прибежал. Я пристально поглядела на мальчишку. Ладно. Если справится – промолчу про воровство.

– Тебя как зовут?

– Шими, госпожа Ветана.

– Шими, ты понимаешь, что, если упадешь в обморок, это может стать смертельно опасным для раненого?

Я говорила, а сама прощупывала края раны, втихую пользуясь даром. Да, вот тут плохо, кость придется пилить, хорошо, что у меня специальная пила есть. Вот здесь и здесь – шить... Слава Светлому, что он пока без сознания, а то может просто сердце не выдержать.

Оглядываю второго, прощупываю своим даром и его.

Нет, с ним я не ошиблась. Есть переломы, но он пока еще может подождать. Привычно раскладываю пакетики и инструменты. Вдеваю нитки в иголки, тут лучше все приготовить самой и заранее.

– Если почувствуешь, что станет плохо, – кричи, – приказываю мальку.

Шими кивает. Лицо бледное, губы сжаты. Понимает, что он сейчас будет делать? Что увидит? А выбора все равно нет.

Смотрю на Тимира.

– Его кто-то должен держать. На всякий случай, чтобы не дернулся.

Я могу отправить человека в беспамятство, но для этого нужна хотя бы пара секунд. А если я в это время буду шить? Если он дернется, когда я буду резать? Все возможно, этого и следует избежать. Всего пара секунд может означать жизнь или смерть.

Тимир кивает еще двоим носильщикам – и они решительно придавливают руки и верхнюю часть тела несчастного к столу.

Я расставляю поудобнее лампы, чтобы свет падал на рану. Мальчишка ощутимо бледнеет, но никуда не уходит. Молодец. И блевать не собирается.

Ну держись, Вета. Ты обязана справиться.

Напутствовав себя подобным образом, решительно принимаюсь за дело. Протираю руки винными выморозками, протираю ими же стол и поле вокруг раны. Надо осмотреть рану, очистить от грязи, осколков кости, ткани, чтобы не началось нагноение, переставить жгут, перевязать сосуды, удалить нервы...

Так много всего надо сделать! Тяжело.

Пилить кость – тяжело. Я не настолько сильная, чтобы сделать это несколькими движениями, поэтому – минут пять. Кость мерзко скрипит под пилой, люди морщатся, как будто ни разу не разделявали корову или хрюшку. Принцип-то один и тот же, просто иногда удобнее пилить по суставу. Так с тушами и делают, кстати.

Но мне хочется сохранить здорового человека, сколько можно. С ногой, отнятой чуть выше колена, он привяжет протез и сможет ходить. С ногой, отнятой по бедро, это намного сложнее.

Руки работают невероятно медленно, сейчас мне так кажется. Отпилить кость, скальпелем пройти по лохмотьям плоти, подхватить, зашить, ослабить жгут – опасно, очень опасно, кровопотеря и так велика; еще немного – и у тела не останется сил на борьбу; прижать найденные сосуды, перехватывая их на живую, и снова шить и шить.

Слава Светлому, человек пока еще без сознания. Отдельная, самая страшная боль проходит сквозь его беспомощность, он дергается, но держат его крепко.

Мальчишка послушно подает иголки и лекарства.

Я прижимаю пальцем сосуд, который начал кровоточить – и шью, шью, шью...

Наконец все готово.

Смотреть на получившееся кровавое месиво не слишком приятно, но это намного лучше, чем то, что было. Крупные сосуды перехвачены, кость спилена, культя выглядит, на мой взгляд, очень неплохо. Но теперь ее надо оставить на открытом воздухе. Посмотрим, как пойдет заживление, а там и ушивать края будем. Но это дело не одного дня, и даже не одной декады. Месяц, а то и больше.

Перевести дух?

Некогда.

И я подхожу ко второму пострадавшему. Опускаюсь рядом с досками, на которых он лежит, и принимаюсь осматривать его и ощупывать. Сразу фиксирую руку, делаю тугую повязку на ребра, чтобы не сместились. Не дай Светлый, осколки зашевелиятся, проникнут в легкие. Тогда могу и не спасти. Позвонками я займусь потом, когда никто видеть не будет. Пальцы двигаются ровно и уверенно. Закончив, поворачиваюсь к Тимиру.

– Тимир, самое сложное я сделала, теперь им покой нужен. Их надо бы у меня оставить на пару дней, потом уж родные присмотрят, а пару дней точно я должна. Мало ли что начнется.

Мужчина заботливо помогает мне подняться.

– Родным сообщим, госпожа Ветана. Может, надо чего?

– Пусть смену одежды для них прихватят, – решаю я. – Не в крови ж им лежать, не в грязи...

– Сделаем. – Тимир подхватывает меня под руку и почти перегружает на стул. – Водички, госпожа Ветана?

– Да, пожалуйста.

Мужчина наливает мне воды из ведра, подает кружку, в которую я вцепляюсь обеими руками, и рассказывает, кого приложило ящиками. А я все отчетливее понимаю, что выхода у меня нет.

Один – Нот Ренар, замечательный плотник. Это тот, который без ноги. Женат, трое детей, содержать семью будет некому. Но если плотник, то уж ногу-то деревянную себе всяко выстругает, а работает он руками. Справится, если захочет.

Второй – Мэт Шаронер. И там все еще хуже. Грузчик, жена, дети, старые родители, просто очень хороший парень. Шими стоит у двери и тоже переживает. Тимир замечает малька – и тихо, по секрету, мне на ухо:

– Мэт его к себе забрать хотел. Не успел просто.

Темного крабом! Кажется, выбора у меня нет. Да, я прекрасно знаю, что всем не помо-
жешь! Что всех не пережалеешь! Что своя шкура ближе к телу и дороже хозяину.

Знаю.

Только вот это – отговорки, чтобы не помогать. А реальность – совсем иная.

Можешь – так помоги, чтобы боли на земле стало хоть на чуточку поменьше.

* * *

Домик у меня небольшой, всего на три комнаты. В одной – моя спальня. Во второй –
приемная, где и проводились операции. Третья служит для приготовления зелий и хранения
всех запасов. Есть еще и кухонька, и крохотный коридорчик, но так-то развернуться здесь
негде. Я бы мужиков сюда не притащила, но выбора нет.

Тимир все организывает очень быстро. В маленькой комнате разбирают и составляют
в угол стол и стулья, на пол кладутся тюфяки (даже не представляю, откуда он их взял), рядом,
на табуреты, ставятся кувшины с водой, в угол задвигается здоровущее кресло (мало ли, с кем-
то сидеть придется), больные укладываются – и Тимир собирается откланяться.

А вот Шими явно хочет остаться.

– Госпожа Ветана, можно? Пожалуйста...

Жалобное выражение на мордахе тронуло бы даже камень, но я намного хуже. И свиде-
тели мне ни к чему.

– Нет.

– Госпожа Ветана. Дядя Мэт... ну я... это... вы...

По грязным щекам бегут две капельки слез. Темного крабом, довести портового малька
до такого?! Тимир смотрит на меня.

– Госпожа Ветана, может...

Вздыхаю и даю слабину.

– Ладно. Оставаться на ночь не надо, ночью я сама с ними посижу. А вот с утра приходи.
Мне хоть пару часов подремать надо будет...

– Я и ночью могу! – подсказывает Шими, понимая, что получил свое.

Качаю головой.

– Нет. В час ночной собаки рядом с ними лучше быть мне, а не тебе. Она зубастая...

И я знала, о чем говорю. Есть такое поверье, что с трех до четырех утра – самое темное
время ночи. Вот в это время и умирает большинство людей. За ними приходит смерть в образе
большой черной собаки со светящимися белыми глазами, выгрызает душу из тела и уносит. А
вот людей эта тварь боится, иногда ее можно отпугнуть, сидя рядом.

И... что-то в этом поверье было.

Мальчишка смотрит большими глазами, потом кивает.

– А... вы ее видели?

Треплю его по затылку, все-таки помощник, и не самый худший, но ничего не отвечаю.
В глазах мальчишки любопытство мешается со страхом – и верх берет благоразумие. Больше
он ничего не спрашивает. Тимир обхватывает его за плечи и выводит за дверь.

Все. Я одна, не считая раненых. Можно полежать хотя бы пять минут. Мои пять минут.
Ложусь прямо на пол в спальне. От деревянных досок идет успокаивающее тепло, перед гла-
зами – коричневые прожилки на желтоватом фоне. Я могу расслабиться. Я дома.

Сейчас я пять минут полежу, а потом надо будет подняться, что-нибудь съесть и выпить.
Мне предстоит бессонная и сложная ночь. А еще хорошо, что ни один лекарь этих двоих не
осматривал. Иначе я бы точно не взялась за работу.

Людей мне жалко, но свобода дороже.

* * *

Ни плотник, ни грузчик так и не приходят в себя до темноты. Зато прибегают их жены.
– Госпожа Ветана!

Первой на моем пороге оказывается жена Мэта. Молоденькая, очень симпатичная, этакая пухленькая блондиночка с ямочками на щечках и веснушками на красивом носике.

Удерживаю ее, чтобы не бросилась мужу на грудь.

– Не надо. Ему может быть хуже.

К месту перелома я прибинтовала тоненькие дощечки, чтобы лишний раз не дернулся.

– Что с ним?! – женщина ломает руки. – Я что-то могу?..

– Завтра приходите с утра, приглядите за мужем, а послезавтра и домой его заберете, если все будет хорошо. Что пить – я дам. Переломы подживут, хоть и не сразу. Светлый даст – через месяц на ноги встанет.

Женщина кидается мне на шею.

– Ох, госпожа Ветана!

Сейчас она не видит, что я старше ее года на два. Не видит моей бедной одежды и синих кругов под глазами. Я – та, которая сказала радостную новость. Та, которая говорит, что с ее любимым и родным человеком все будет в порядке. Этого достаточно.

– А что с ним?

– Переломы. Если внутренних кровотечений нет, все срастется.

– А если есть?.. – В голубых глазах ужас.

Я подавляю желание погладить ее по голове успокаивающим жестом, вместо этого просто беру за руку.

– Верьте, все будет хорошо. Я его затем и оставила, чтобы понаблюдать. Завтра точно скажу, что и как.

– А ночью...

– Сегодня мне помощники не нужны, а завтра – милости прошу.

– Так, может...

– Сегодня я вас не оставлю, – строго обрываю я. – Знаю, что у господина Шаронера родители старые. А если кому из них плохо будет? Кто помощь позовет – дети?

Довод действует, и женщина успокоенно кивает. Закрепляю эффект заверениями и выпроваживаю ее подальше. Чтобы через полчаса так же заняться второй.

Госпожа Ренар чем-то похожа на госпожу Шаронер. Не внешне, нет. Одна – блондинка, вторая – худенькая шатенка, а вот лица у них совершенно одинаковые. Они у всех одинаковые. У всех, чьи родные болеют.

Говорят, злоба, зависть, ненависть искажают черты лица. Это верно. Но тревога, боль и надежда тоже с этим неплохо справляются. Женщин – две, а выражение лиц совершенно одинаковое. И нотки в голосе – тоже. И мои заверения, кстати говоря.

Выпихиваю и вторую, пью горячий травяной отвар с медом, съедаю полбанки варенья (стараниями благодарных пациентов вкусоности у меня не переводятся) – и жду ночи. Говорят, что стихийникам легче всего в контакте с их стихией. Огневикам – возле пламени, водникам – у моря, некромантам легче ночью, а мне должно быть днем, но это неправда. Легче всего обращаться к своей магии тогда, когда никто не мешает.

Например, вскоре после полуночи.

* * *

Расслабься, почувствуй, как течет сквозь тебя сила, ощути свое сродство с этим миром. Мир велик, мир любит нас и охотно поделится с тобой своими искрами. Тебе с лихвой хватит, чтобы эти двое выздоровели.

Я знаю, я могла бы сделать так, чтобы назавтра они оба бегали, но это... не совсем хорошо. Когда лечишь быстро, не всегда получается идеально. Время нужно, чтобы кости и связки окрепли, да и подозрения на себя навлекать нельзя.

Так что я никуда не тороплюсь, по капле впитывая силу из окружающего мира.

Еще одна побочная сторона магии жизни – я буду проводить силу через себя. Если лечить быстро, надо будет черпать и отдавать полной горстью. Как бы не выгореть при таких условиях. Не хочу. Страшно.

Что я еще-то умею, кроме как лечить?

Пальцы медленно начинают светиться. Шторы задернуты, ставни закрыты, никто ничего не увидит. И уж тем более не увидит, как я склоняюсь над Мэтом Шаронером. Руки ложатся мужчине на шею, словно я хочу придушить его. Не хочу, вовсе нет. Просто лучше всего класть пальцы на пораженное место.

Где тут что?

Есть!

Ящик, видимо, ударил на излете, но силы хватило, чтобы отростки у нескольких позвонков хрупнули и попросту сломались. Синева разливается по всей спине. Отеки есть, несколько ребер сломано, чудом ни одно из них не проникло в легкое, кровотечений нет. Для меня сейчас вся пострадавшая область горит тревожным алым цветом с вкраплениями черного – там, где запеклись сгустки крови, отмерли ткани.

Осколки? Повезло, переломы чистые. Были бы осколки, было бы намного хуже.

Вся моя сила устремляется в позвонки. Вот так, медленно, осторожно... Тут важно не только исправить костную ткань, но и снять отеки, выгнать лишнюю жидкость и кровь из тканей, проследить спинной мозг, чтобы он не был поврежден. Это самая сложная и тонкая работа. И сил она выпивает столько, что я едва стою на ногах. Но на остатке упрямства проверяю второго больного.

Несколько искр срывается с моих пальцев, впитываются в пораженную ногу.

Нет, тут все неплохо. Ткани, конечно, пережали, но жгут я сняла вовремя. Чутье подсказывает, что все заживет вовремя и гангрены не будет. А это уже замечательно. А еще чутье подсказывает, что снаружи кто-то есть. Прислушиваюсь – и понимаю: для взрослого этот «кто-то» маловат.

Шими?

Ну и пусть. Не впусу. Найдет, поганец, где переночевать. Ни к чему ему видеть меня в таком состоянии, вовсе даже ни к чему! У мальчишек языки длинные. И не надо мне говорить, что я жестокая. Между прочим, рядом со мной соседский дом, а у них есть замечательная мохноногая лошадка Белка. Рыженькая такая. Забраться в сарай всяко можно, а там копна сена и тепло. Сама бы повалялась, да не пустят. Там переночует, если в порт бежать страшно. Вот!

С тем я и ползу на кухню, заедать усталость. Хлеб, мед, взвар... на лечение своей силой я каждый раз столько трачу, что лучше б на мне крабы океан пахали! Не так уж у меня ее много, не такой я потрясающий талант, но это и к лучшему, наверное. Лечи себе помаленьку. То там помогай, то здесь... А будь я сильнее – сила прорвалась бы наружу намного раньше. И меня бы заметили, а это плохо.

И сейчас-то не слишком хорошо, но сейчас я не делаю ничего страшного. Помочь женщине разродиться? У меня тонкие руки. Эти двое? Так их никто до меня не осматривал, как скажу, так и поверят. Осторожность превыше всего! Вот!

Жаль, что раньше я этого не понимала.

* * *

Беда подкралась неожиданно в мои девятнадцать. Отец проигрался в карты барону Артау. Дело совершенно житейское, но сумма оказалась для нас... Она была подъемной, но тогда родителям пришлось бы отказаться от выезда, от новых нарядов, от дома в городе и поселиться на несколько лет в поместье. Отцу с матерью этого не хотелось.

Вот детей растить в поместье можно, а самим там жить? Ни балов, ни изысканного общества, ни сплетен, ни...

Подозреваю, что они бы возненавидели друг друга, если бы между ними не было всего вышеперечисленного. Не всем людям хватает общества супруга, особенно если это был изначально брак по договору. Отец заметался, просил помощи там, тут, ему отказывали, и тогда барон предложил взять взамен проигрыша меня. Не в любовницы, нет. Все было вполне прилично, меня собирались сделать женой. А что? Барон же, не абы кто из подворотни. И я не наследница, и берут меня без приданого, еще и денег за меня добавят, и красавицей меня не назвать.

А что барон старше меня лет на двадцать и больше всего напоминает жабу своей плешью, обвислыми щеками и выпученными зеленоватыми глазками – это мелочи. Поплачет молодая да и смирится. Не первая такая невеста, не последняя...

Единственная, кто пытался образумить моих родителей – это бабуля Тойри. Она разговаривала с сыном, с моей матерью, но все было бесполезно. Родители закусили удила. Я бы, может, и смирилась, отлично понимая, что главное в человеке не внешность, но... Из-за родителей произошло то, что я никогда им не прощу.

Никогда.

Поняв, что выбора у нас нет и что меня скорее всего свяжут с этим Жабом, как мы прозвали барона, бабушка решила попросить денег взаймы у старой подруги. К ней-то она и ехала, когда понесли кони. Карета перевернулась.

До сих пор не знаю, что там произошло.

Знаю только, что бабушка и кучер умерли. Кучер вроде бы попал под копыта коней и прожил еще несколько часов со смятой грудной клеткой. А бабушка практически в один миг, когда карета вылетела с обрыва и ударилась о землю с такой силой, что там остались одни осколки и ошметки.

Не знаю.

Если бы я тогда поехала с ней?! Но я была в поместье, а бабушка поехала из города...

Никогда себе этого не прощу. Если бы я не стала упираться, если бы сразу согласилась выйти замуж за барона, она была бы жива. Не стала бы выручать любимую внучку.

Если бы.

Ненавижу эти два слова. Я ревела целыми днями. Ревела и когда приехал барон. И к нему вышла такая, что краше только в гроб положить, могильных червей ничем не напугаешь.

Барон подцепил меня за подбородок, повернул к свету:

– Отвратительно. – Голос у него тоже был высокий, квакающий. – Извольте, любезная невеста, привести себя в порядок. У нас свадьба через пятнадцать дней.

– У меня траур, – вырвалась я из его цепких пальцев.

– У нас свадьба. И ваш отец полностью с этим согласен.

Насчет отца я и не сомневалась. Просто коробило его отношение. Это ведь *его мать!* А... что такое мать рядом с балами, приемами и нарядами? И парой скаковых лошадей, которые продаются за громадную цену знакомым заводчиком. Но зато у них замечательная гнедая масть, и можно заказать наряд под лошадей и найти грума в масть коням. Это так... *модно!*

Пальцы сами собой сжались в кулаки, но спорить я не стала.

Тогда не стала. Присела в реверансе. На меня словно покрывало накинули, которое отгораживало от мира, давало возможность побыть наедине с бабушкой и своей болью.

– Господин барон, полагаю, мои родители распорядятся о приготовлениях к празднику. А мне позвольте все же оплакать близкого человека в оставшееся мне время.

Барон одобрительно осмотрел меня – и позволил. А что, в основном я ведь не возражала? И по-прежнему продолжала лечить людей. Пока я еще дома...

Барон остался гостить у нас, а через шесть дней ко мне пришла няня.

– Веточка, помощь нужна. Очень.

Я послушно собрала сумку и последовала за ней. Почему-то няня вела меня через черный ход, оглядываясь по сторонам и словно бы опасаясь кого. Но тогда я об этом не думала.

Оцепенение спало в тот миг, когда я увидела девушку. Знала я ее, я тут всех знала. Мира, дочка нашего садовника, обожала помогать отцу в его работе. У нее все зацветало. Иногда я думала, что у нее тоже есть слабенький дар магии, только земли.

Не было. Иначе у нас бы землетрясение случилось, когда с ней такое делали. Няня только вздыхала, мол, не след девице на такое смотреть, но и роды я видела, и без помощи Миру не оставишь.

Девушку жестоко изнасиловали. Даже с учетом того, что девственницей Мира не была, разрывов избежать не удалось. Избили. Исхлестали чем-то вроде плетки. И тушили об нее свечи. Или угли – я так и не поняла. Но ожогов на ней было многовато для случайности. А самое жуткое, что Мира была чем-то похожа на меня. Тоже невысокая, темноволосая, худенькая...

– Кто ее?

Мира спала, а я смотрела на няню. И та молча глядела на меня такими глазами...

Кажется, я знала ответ на свой вопрос.

– Барон?

– Да.

У меня пальцы в кулаки сжались.

– За что?

– Просто у него такие наклонности. Мира объяснила. Он получает удовольствие... вот так.

– Она знала? А почему согласилась?

– Он ей три золотых пообещал, – няня коснулась волос девушки. – Не обманул.

Три золотых.

По деревенским меркам – неплохое состояние, полугодовой заработок крестьянина. Приданое для девушки. Крестьянки в этом отношении свободнее, чем дворянки, а Мира – девушка не самая стеснительная. Видимо, так и рассудила, мол, не сотрется за один-то раз. А на такое не рассчитывала. Не понимала, на что идет.

Внутри смерзлся холодный комок.

– Он и со мной так будет? Да?

– Ты ж дворянка, девочка...

Почему-то няня меня не убедила. Наверное, потому, что сама себе не верила. Я прищурилась.

– Мира первая?

– У нас – да, – няня отлично поняла меня.

– Сколько времени и денег нужно, чтобы все разузнать точно?

А ведь барон мог думать, что я ничего не узнаю. Откуда? Благородные девицы не общаются с садовницами, это точно. Он ведь не знал, что я тут в округе всех лечу, никак не мог. Вот и поразвлекся, как привык, в ожидании свадьбы. Невеста-то попалась неуступчивая, он и нашел замену.

Гнида!

– Да, почитай, ничего и не нужно. Владения-то баронские в паре дней пути. Доехать да вернуться. Тим и съездит.

Я кивнула.

– Пусть едет.

И заболела. Детская хворь, ветрянка, только вот у взрослых она проходит куда как тяжелее. Закапать белладонну в глаза, прополоскать горло настойкой одной травы, чтобы голос охрип, протереть кожу другой, чтобы пошла жуткая аллергия и раздражение, а жар... Я же маг жизни, и такие мелочи со своим телом проделывать могла с детства. Хоть гореть, хоть лежать, по выбору.

Мне поверили, и свадьбу отложили еще на пять дней. Невеста ведь должна хотя бы к гостям выйти, а она даже на ногах не стоит!

Барон был весьма недоволен, мне запретили заниматься лечением людей, мол, пусть хоть все передохнут, еще не хватало, чтобы сразу домой принесла! Я согласилась и стала ждать Тима.

Он и верно не задержался. Вернулся через восемь ночей, когда до свадьбы оставались уже считанные деньки, и принес известия, от которых я похолодела.

Барон действительно был холост. Но не холостяк, как я подумала вначале, услышав, что у него ни жены, ни детей.

Вдовец.

Три раза вдовел, между прочим. И дети у него могли бы быть. Но у двух жен было по выкидышу, третья... Темная там история, Тим точно ничего не узнал, но подозрения были такие, что беременные женщины барона особо возбуждали. А меры он не знал, вот и... переходил границу. Две жены не выдержали любви и ласки. Третья пыталась бежать, но ее или догнали, или что-то еще.

И вот с этим человеком мой отец сел играть.

Мраз-с-с-сь!

Что самое печальное, меня бы все равно отдали барону. Даже если бы я все рассказала родителям, они бы пожали плечами и сказали, что это сплетни. Грязные и глупые слухи, вот!

Я понимала, что добром меня не отпустят. Оставался вопрос – как освободиться? Денег в долг, чтобы откупиться от барона, мне никто не даст, да и порочный это путь. Сейчас займу, а потом отец опять проиграется? И опять занимать? Да я сама дешевле стою, даже если в рабство продамся.

Пойти в храм и признаться в своем таланте?

Тут барону ничего не обломится, это верно, будет прыгать по команде Пресветлого Храма и квакать красиво, только вот у меня-то будет та кабала, которой мы с бабушкой стремились избежать. И не улизнешь оттуда, и не договоришься.

Приключенческие романы, в которых предприимчивая девица проворачивает какой-нибудь финт ушами и отделяется от ненавистного жениха путем его компрометации, я вообще не рассматривала. Это не театр, это жизнь. Да и не учитывалась в романах такая приземленная вещь, как долги. В крайнем случае автор всегда мог подложить героям скромный клад, чтобы три-четыре поколения без нужды прожили. Мне на душу-автора рассчитывать не приходилось. И к тому же я все равно сейчас в воле родителей. До двадцати пяти лет – определено. А они за это время и любой клад пристроят, и меня определят.

Выйти замуж за другого?

А не за кого. Не увлекалась я парнями, увлекалась лекарским делом. Тут не до гулянок, да и не любительница я всего этого. Сестра вот у меня обожала на балах покрутиться, наряды мамины померить. Что-то с ней сейчас? Надеюсь, она счастлива.

В общем, тогда я рассудила здраво: что есть только один выход.

Два.

Парадный и черный. Можно бы и в окно вылезти, но это тоже для романов хорошо. А у нас замок был неправильный. Ни плюща, ни карниза, ни даже выступающих в рельефном узоре камней. Как из окна полезешь, так и навернешься, ни один лекарь не соберет.

Так что я выздоровела. И срочно озаботилась нарядом для свадьбы и для брачной ночи. А то как же! Родители порадовались, и я поехала на одну ночь в городской дом. Барон решил сопровождать невесту, но тут уж уперлись все.

Неприлично! Потерпите до свадьбы, дорогой, какой вы нетерпеливый, нельзя так. Чай, не крестьянская девка!

Барон внял, но охрану приставил. Надеюсь, сильно их не наказали, потому что утром в город въехала карета с одетой в шелка и тонкий бархат девушкой, а после обеда из других ворот вышла с караваном самая обычная неприметная девчонка-лекарка в толстом сером плаще, сапожках, толстых чулках и в коричневом платье, какое носили многие из простого сословия. Волосы заплетены в косу, сумка с лекарскими принадлежностями прижата к сердцу, вторая, со сменой одежды, бельем и теплыми сапогами, небрежно заброшена в телегу. В подол платья крепко зашита несколько моих драгоценностей, доставшихся от бабушки. Ну и то, что мне родители дарили.

Не обеднеют.

Няня долго рыдала, пыталась меня отговаривать, умоляла одуматься, поговорить с родителями, найти другой выход, бежать к бабушкиным друзьям, но мы обе понимали, что выбора особенно не было. Либо я сбегаю, либо выхожу замуж и становлюсь четвертой мертвой супругой барона Артау. А не хотелось...

После того, что он сделал с Мирой, меня, наоборот, остро тянуло остаться с ним наедине на часок. Но не для любви. Я знаю, что маги жизни не могут убивать и калечить, что это чревато потерей дара, но... так хочется!

Видит Светлый, иногда так хочется!

Мой след растворился на просторах королевства Раденор. До совершеннолетия я не подам о себе никаких известий. Еще несколько лет мне надо продержаться в тишине и спокойствии. Еще несколько лет. До двадцати пяти. Сейчас мне, правда, и двадцати нет, но я справлюсь. Уже справляюсь.

Я поменяла все. Поменяла имя – теперь я Тойри Ветана, как бабушка Тойри. Поменяла сословие. Я не из благородных. Я просто ублюдок благородного, для забавы воспитанный в его семье, так бывает. Поменяла отношение к жизни – раньше я порхала по ней ярkokрылой бабочкой, а сейчас стараюсь походить на летучую мышь.

Но хватит ли этого, чтобы выжить?

* * *

Больные глубоко и спокойно дышали.

Я проверила пульс одному, второму, жилка под пальцами билась уверенно и ровно. Выживут оба. И калекой ни один не останется. Без ноги – да, но безногий и калека – это суть люди разные. Я-то знала, были те, кто получал увечья, а жить продолжал, как и раньше. Делали дело, любили родных и близких, считали, что им еще повезло – они живы.

Надеюсь, и этот плотник окажется таким же.

Глава 3

Кошмар начался прямо с утра. На рассвете я обнаружила под дверью продрогшего и промерзшего мальчишку. Зубами он так стучал, что я сквозь сон услышала.

Малек безмозглый!

И все же... Любит он этого Шаронера, любит. Видно же. Ведь мог бы пойти да поспать где, ан нет! Судя по промерзлости, сидел всю ночь у моего дома, вокруг ходил, в окна заглянуть пытался. Кстати, заведомо бесполезное дело. Первой моей покупкой стали плотные и тяжелые шторы, через которые никто и ничего не увидит, хоть ты голой пляши.

Пришлось открыть дверь и втащить мальчишку внутрь. Пакость малолетняя! Это ж надо себя так довести! Если б еще часа два просидел, мне бы его пришлось своим даром лечить, и кто знает, что бы он понял!

Я ругалась, растирая его винными выморозками, ругалась, заливая в мальчишку настойки, ругалась, заворачивая его в теплые шерстяные одеяла и укладывая третьим к болящим товарищам. Да так душевно, что портовый малек слушал меня, как песню.

Сопляк тупой!

Пара подзатыльников ему тоже перепала – для профилактики глупости. Авось чего в голове прибавится! А ведь я и двух часов этой ночью не проспала-а-а-ау. Придремать, что ли, в кресле?

Так я и сделала, подумав, что, если кто-то явится на рассвете и разбудит меня, убивать буду мучительно. И плевать на дар – это уже выше человеческих сил.

Слава Сияющему, хоть жены пострадавших оказались умнее мальчишки. Мне удалось проспать малым не до восьми утра. Приходил молочник, оставил кувшинчик с молоком у калитки, не разбудив меня, – у нас так бывало. Мы давно договорились, что, если я сплю, он просто оставляет молоко, а деньги я ему отдам назавтра. Хоть и небогатый тут квартал, а и я не голытьба. Лекарь – это верное дело в руках. Ох, бабушка, какое ж тебе спасибо, что ты меня учить наставляла. До сих пор твой голос помню.

Все, все можно потерять. Был у тебя титул – и нету; был дом – и уйти пришлось; были деньги, власть, положение в обществе – все, все в один миг развеялось туманом. А вот то, что у тебя в голове да в руках – то всегда с тобой останется. Всегда кусок хлеба принесет, с голоду не помрешь.

Я когда-то еще улыбалась на эти бабушкины рассуждения... Дурой была. Верно говорят: придет беда – узнаешь цену. И себе, и своей жизни, и своему опыту. Жестоко, но верно.

В восемь утра проснулся Мэт Шаронер.

– Где я?! Что со мной?!

А глаза ясные, а выражение лица вполне бодрое, скоро бегать будет. Оно и неудивительно, я в него столько силы влила, что самой до сих пор тошно. Но надо поторопиться, пока он встать не попытался или головой подергать. Я хоть его и уложила на специальную деревянную лежанку, а все одно – ни к чему сейчас дергаться.

– Лежите смирно, господин Шаронер. Вам пока вредно резко двигаться.

Мужчина послушно скосил на меня глаза и замер, не шевеля ни рукой, ни ногой.

– А вы кто?

– Я Ветана, лекарка. Меня вчера позвали в порт, вас ящиком оглушило.

Мэт напрягся, явно вспоминая.

– Да, я не успел увернуться, меня в плечо ударило, и, кажется, по шее... Что со мной?

– Ключица сломана, а так – повезло. Вы что помните?

Мэт сдвигает брови.

– Ничего. Ударило сильно, голова откинулась... все.

Тогда, видимо, он перелом шеи и заполучил. Хорошо, что не помнит.

– Точно все?

– Д-да...

– Меня вас лечить позвали, я сюда перенести приказала, решила ночь сама приглядеть, мало ли.

– А почему вы?..

– Потому что ваш портовый лекарь нализался до потери памяти.

Мэт опустил веки. Кивать лежа не получалось.

– Понимаю. Спасибо, госпожа Ветана.

– Работа у меня такая, – проворчала я. – Как вы себя чувствуете?

– Не знаю. Голова болит.

Я коснулась шеи мужчины, посчитала пульс.

– Ничего страшного. Посмотрите на меня, теперь на свет, теперь опять на меня...

Зрачок послушно расширяется, сужается, опять расширяется. Проверила на всякий случай оба зрачка. Отлично, сотрясения мозга нет. То ли и не было, то ли я ненароком вылечила. Все возможно.

– Голова кружится?

– Н-нет...

– Шея болит?

– Немного...

– Подвигайте руками, только несильно. Так, теперь ногами... Отлично!

Мэт послушно выполнял все мои просьбы, а я с удовольствием наблюдала, как он двигается. А только подумать, что этот здоровый молодой мужчина мог на всю жизнь остаться парализованной колодой. Обычный-то лекарь ничего бы сделать не смог, даже если и распознал бы болячку. Эх, вот ради таких минут и живешь на свете.

– Сегодня вам бы еще не двигаться, а завтра домой пойдете.

– Отлично! А я один?..

– Еще Нот Ренар. Но ему повезло куда как меньше.

– Что случилось?

– Ноги лишился. – Я пожала плечами.

Мэт аж дернулся.

– А я...

– Вам повезло. Но если будете дергаться, я за последствия не ручаюсь.

Мужчина послушно застыл.

– Скоро ваша жена прийти обещалась. И Шими – знаете такого?

– Шими? Мальчишка? Малек?

– Он самый. Глаза остороженько скосите вон в ту сторону.

Мэт так и сделал – и увидел кокон из одеял. При достаточном напряжении фантазии в нем можно было опознать Шими. Вихор точно его торчал.

– Что с ним, госпожа Ветана?

А сколько тревоги в голосе, а? Кажется, у мальчишки таки будут дом и семья. И заботливый отец. Бывает и такое. Прикипаешь к ребенку, и вовсе он уже даже не чужой, а почти твой собственный. Разве родство по крови имеет значение там, где есть родство по духу?

– Все будет в порядке, – ворчливо отозвалась я. – Проснется, и опять бегать будет. Но я бы на вашем месте его выдрала.

– За что?

Мелкий паршивец уже не спал. Я посмотрела на него с угрозой.

– За то, чтобы не подслушивал – раз. Чтобы не шлялся по ночам – два. И тем более не шлялся под чужими окнами – три. Переживал он, видите ли. А спокойно пойти, выспаться и прийти с утра никак не мог. Боялся, видимо, что я вас за ночь убью и съем.

Шими густо покраснел. Мэт скосил глаза, определяя, где лежит мальчишка, потом протянул руку и притянул к себе сверток.

– И стоило бояться, малыш? Госпожа Ветана хорошая...

– И руки у нее замечательные. От них прямо теплом тянет, – Шими уткнулся под мышку грузчику, только нос торчал. Ах ты, поганец!

– Посмотрим, чем от моих рук тянуть будет, когда я тебя за уши оттаскаю, – пригрозила я.

– Вы только грозитесь. А так вы добрая.

Конечно, из-под такой защиты мальчишка мог и дерзить. Я погрозила ему пальцем.

– Выздоровеешь – разберемся.

Ответом мне стала нарочито наивная улыбка. Пришлось вздохнуть – и вернуться к своим делам. Лекарь почему-то всегда занят. То в огороде с травами, то в лаборатории, готовя лекарства, то с больными, которых надо, кстати, обтереть, подставить судно, повернуть, перетряхнуть постель...

А домашние дела тоже никто не отменял. Убрать, постирать, сварить... И есть хочется.

Ничего, сейчас простокваши с хлебом и сыром глотну – и достаточно. И молочка поставлю сквашиваться. С моей работой желудок посадить легче легкого. То приготовить не успеешь, то съесть некогда, целый день на ногах, в бегах... А простокваша для желудка – самое милое дело.

Кстати, явилась и жена Мэта. И глядя, как она вьется вокруг мужа, как с теплотой поглядывает на Шими, я снова подумала, что мальчишку они рано или поздно возьмут к себе. И ему будет неплохо в этой семье. Просто шаг сложный. Своих двое, этот – третий, да и все ж живой человек, не щенок или кошка...

Накаркала.

У калитки скучковались четверо детей лет по семь-восемь. Стоят, смотрят, глазенки заплаканные. Три мальчика и девочка. Один из мальчиков держит какой-то сверток.

– Госпожа Ветана, помогите, пожалуйста!

И как тут откажешь?

– Что случилось?

– Госпожа Ветана, у нас Муся помирает. Она под карету попала...

– А отец сказал, чтобы мы ее на свалку отнесли, пусть там подышает...

И слезы градом.

– Что за Муся?

– Вот...

Старший из мальчишек протянул мне грязную тряпку, в которой лежала кошка. Пока еще живая.

Некогда это было симпатичное трехцветное животное, еще молоденькое и явно игривое. Бело-черно-рыжая шерсть, затуманенные болью зеленые глаза, пушистые лапки... сейчас на мордочке и белом галстучке запеклась кровь, дышала она с трудом и жива была еще чудом.

И как тут откажешь, когда пять пар глаз смотрят на тебя с одинаковой надеждой? Ты ведь большая, сильная, ну помоги же нам! Пожалуйста! Ты же *взрослая*! Неужели и ты нас разочаруешь?

М-да, если бы их отец знал, какую боль он причиняет детям, предлагая выкинуть кошку на помойку... А ничего он все равно не поймет. До краба тупых животных, которые выросли, а людьми так и не стали!

– Мы вам заплатим, – всхлипнула девочка. – Вот!

На грязной ладошке – три медяка. Целое состояние для малышни. Судя по одежде, они не из богатой семьи. Я мягко складываю пальчики малышки в кулачок.

– Не надо денег. Пойдемте в сад, посмотрю вашу Муську.

Да, снимать этот дом достаточно дорого, но тут есть несколько комнат, и есть маленький садик на заднем дворе. Несколько деревьев и три грядки, на которых я могу сама выращивать и лекарственные травы, и зелень к столу. Так что он себя окупает. Да и высокий забор не дает соседям пристально вглядываться в происходящее.

Дети доверчиво потянулись за мной.

Я шла впереди и прощупывала кошку своим даром. М-да... Помирает животинка. У нее внутреннее кровотечение, ребра сломаны и пробили легкое, что сюда донесли – уже чудо. И что делать? Отказать детям?

Пусть умирает, подумаешь – кошка! Новую заведут! И вообще, всех не пережалеешь! И спасти какую-то тварь... Не человек ведь! Сколько их по улицам бегают? На всех ни времени, ни сил не хватит. По пальцам, которые зарылись в длинный мех животного, побежали крохотные искорки.

– Ребята, вам можно доверить важную миссию?

Пока я еще это контролирую. А спустя пару минут процесс уже будет не остановить.

Четыре пары глазенок смотрят с таким доверием, что я понимаю – придется лечить. Уговаривай себя, не уговаривай, а надо.

– Вы сейчас пойдете на кухню. Там стоит кувшин с молоком. Вот чтобы каждый выпил по стакану. И съел по ломтю хлеба с вареньем. Оно в буфете. Достанете. А потом я сама к вам приду с Муськой. Не нужно мне мешать ее лечить, ладно?

Сияющий!

И такой надеждой светятся глазенки! Да будь оно все проклято! Разве можно в такой ситуации отказать? Убить в детях веру в хорошее?

Я сажусь в уголке садика, который не просматривается из соседских дворов. Хозяин посадил на заднем дворе четыре яблони почти рядом. Теперь они выросли, сплелись кронами и образовали нечто вроде природной беседки, в которую поместились крохотный столик и два стула. Там меня почти не видно, если не вглядываться. Ну, будем надеяться на лучшее.

И я отпускаю свою силу на свободу.

Она льется легко и спокойно. Находит повреждения в тельце кошки, и животинка замирает у меня на коленях, чувствуя, как прекращается боль, как расправляются смятые жестоким ударом ребра, как очищаются легкие... потом она начинает кашлять кровью, сплевывая ее на полотенце. Ну да, надо же куда-то...

Лишь бы насквозь не протекло, платье стирать неохота.

Я привыкла лечить людей, на них расход куда как побольше, поэтому с кошкой справляюсь за пару минут. Животинка отхаркивается кровью, потом изворачивается у меня на коленях и трется мордочкой о руку. Меня вообще все животные любят, такое свойство дара. Чувствуют волшебство.

Я погладила ее по пушистой головке, добавляя немного жизненных сил. Ох, малышка, да ты скоро с котятами будешь? Ну, вот еще чуточка, чтобы на малышах ничего не сказалось.

Кошка перевернулась на спинку и принялась мурчать, подставляя мне беззащитное белое брюшко. Погладь, а? И почесать можешь.

Дети, животные... И те и другие беззащитны перед злой силой. И те и другие равно доверчивы к старшим. И на пушистый мех капает слезинка. Но хоть секунду-то слабости я могу себе позволить? Я так давно не могу никому довериться, никому и никогда я не подставляю доверчиво открытый животик, потому что знаю, удар неизбежен... Я не верю людям. И не смогу верить.

Никогда.

* * *

На кухне царит тишина.

Мелочь вытащила варенье, измазалась смородиной, у девочки под носом молочные усы, но они не шумят и не галдят, а смотрят на дверь. И меня с Муськой на руках встречают вопрошительными взглядами.

Муську я выпускаю на стул. Недовольная кошка тут же спрыгивает на пол и принимается умываться. Ну да, злобная лекарка зачем-то вымыла ее в прохладной воде. Вычищай теперь шубку! Укладывай, расчесывай, вылизывай... Ох уж эти люди! Даже самые лучшие из них не лишены недостатков! Так что передняя часть кисы напоминает мокрую выдру.

Но дети видят другое. Кошка здорова.

Девочка протянула руку, робко погладила подругу, с которой уже распрощалась, а в следующий миг кухню наполнил такой счастливый визг, что я отшатнулась назад. Не успела.

Малышки буквально вешаются мне на шею, обнимая и целуя.

– Госпожа Ветана!

– Спасибо!

– Спасибо-спасибо-спасибо!!!

Честное слово, так и тянет под стол спрятаться. Не люблю я детей. Не умею. И обращаться с ними тоже не умею. Так что потихоньку стряхиваю их с себя.

– Значит, так. Забрали Муську и отправились домой.

– А что с ней было, госпожа Ветана?

Шими стоит в дверях. Да что ж ты такая зараза любознательная?

– Лапки ей выбило, вправлять пришлось, – проворчала я. – Так что вы поосторожнее с ней пару-тройку дней. И котята у нее скоро будут.

Ну кто меня за язык тянул?!

Какие же дети все-таки... визжащие!

* * *

С трудом удастся выпихнуть малышню за дверь. Медяки они таки попытались мне оставить, но после угрозы оборвать уши присмирели. Впрочем, одно обещание я с них взяла. Не топить котят, а раздать их по знакомым. Это и будет оплатой.

Плотник пока еще не пришел в себя. Ничего удивительного, сколько сил я в него влила – страшно даже подумать. Зато пришла его жена. Обе женщины переговорили, подумали – и взяли меня в оборот. Мол, они хотят сами ухаживать за своими мужьями.

Я только плечами пожала.

Хотите – оставайтесь. Одна до вечера, вторая – до утра, ваше право. Мэта я завтра отпущу домой со строгим наказом не перенапрягаться еще дней десять и через пять дней прийти ко мне на осмотр.

Вот с Ренаром все немного сложнее. Он пока еще без сознания, и это к лучшему. Моя сила лечит, это верно. У него не будет воспаления, нагноения, не будет прочих проблем, но как он воспримет свою травму? Пусть уж его жена будет рядом, когда он придет в себя. Так лучше.

Женщины тут же соглашаются, и жена Мэта принимается хлопотать вокруг больных. Я показала ей, как переворачивать мужчин, и она принялась перетряхивать белье. Лучше мы обойдемся без пролежней.

Я же вытащила на задний двор таз с бельем и честно постаралась заняться стиркой.

Наивная.

Явился Тимир. Да не один явился, а в сопровождении какого-то незнакомого мне мужчины. А, вот оно что! Портовый лекарь!

Лекари – народ сложный. И в гильдию они не объединяются по очень простой причине: договориться не могут. Каждый сидит на своих знаниях, что та собака на сене, далеко не все любят брать учеников, а уж деревенских травниц и повивальных бабок они презирают всем скопом. К тому же лекарей не слишком любит Пресветлый Храм.

Это в Раденоре Пресветлый Храм не подает голоса, да и не так тут много храмовников. Проредили их качественно и размножиться не дают. А вот в других странах, в том числе и в моей родной...

Так, не думать об этом!

Суть в том, что лекарь – работа очень рисковая. Так вот не вылечишь кого надо, или, наоборот, – вылечишь кого не надо, и можешь оказаться на костре. Очень даже запросто. Или наоборот – под нежной опекой и заботой Пресветлого Храма. А это никому не нравится. Лекари отлично поняли, что, если они объединятся в гильдии, Пресветлый Храм их под себя подомнет мгновенно. А кому охота подчиняться? Лекарям ведь разное делать приходится. И трупы резали, бывало, и могилы оскверняли... Да много чего еще было. А Пресветлый Храм не одобрит, нет.

Поэтому сошлись на одном и том же.

Есть лекарь. Есть у него вывеска – золотой треугольник (у моего дома висит медный, подарок одного из вылеченных).

А дальше...

Кто-то из знати просто нанимает себе лекаря, и таковые живут в замках. Кто-то идет на службу, вот как этот портовый. А кто-то селится среди людей, как я, и ждет, когда придут больные. Но рискуют все три категории. Только все – по-разному. Портовый лекарь сейчас тоже рисковал, хотя и не понимал этого. Но терпение у меня было небеспрдельно.

Войдя в мой дом, этот нахал и не подумал поприветствовать хозяйку. Да даже ноги вытереть не соизволил, а просто рывкнул на Шими:

– Где больные?!

Мальчишка от неожиданности посторонился – и лекарь прошел в комнату, оставляя за собой ошметки портовой грязи, щедро смешанной с рыбьей чешуей, смолой и древесными опилками. Что за наглость?!

Махнул рукой на жену Мэта и опустился рядом с ним на колени.

– Так, молодой человек! Что у вас болит?!

– Да ничего...

– А почему тогда вы тут, вместо того чтобы прийти ко мне?

– Госпожа Ветана сказала...

– Ах, госпожа Ветана...

Лекарь обернулся и впился в меня нехорошим взглядом. Я тоже прищурилась в ответ, зная, что эта гримаса меня не красит.

Мужчина был уже немолод, лет шестидесяти. Седые волосы начали редеть, нос украсился красноватыми прожилками – признак любви к вину, – второй подбородок удачно дополнял бульдожьих щеки. Фигура была похожа на грушу. Бывают такие мужчины, полнеют в области живота. Плечи узкие, живот громадный, а ножки опять тоненькие. Вот с ним так и получилось.

Молчание затягивалось. Лекарь сверлил меня взглядом, надеясь, что я скажу что-нибудь неудачное и он размажет меня по полу, а я насмешливо разглядывала его, как учила меня мама, и помалкивала.

Взгляды – это тоже искусство. Смотреть надо прохладно, отстраненно и безглаго, чтобы человек понимал: он – неподходящий элемент в твоей картине мира. Ты не привыкла смотреть на подобное ничтожество. Можно еще улыбаться краешками губ. А если сосредото-

точиишь взгляд на человеке – смотри ему в переносицу. Или в точку на лбу, посередине, чуть повыше бровей. Но не глаза в глаза. Это взгляд равных, а ты – выше его.

Я ведь тогда фыркала, а вот пригодилось!

Не знаю, кто из нас выиграл бы в поединке взглядов. Первым молчание нарушил Тимир.

– Госпожа Ветана, господин Логан просил передать...

– Господин Логан?

– Э... портовый начальник.

Я кивнула. Как-то не интересовалась я портовым начальством, отлично понимая, что никто меня туда не пустит. Порт слишком хлебное место, чтобы такие, как этот лекарь, поделились с никому не известной девчонкой.

Кошелек мягко лег в мою ладонь. Я кивнула и сунула его в карман, даже не заглядывая внутрь. Вот еще не хватало...

А лекарь аж взвился.

– Вы считаете себя вправе брать эти деньги?

– Да, вполне, – подтвердила я, мягко улыбаясь.

– И за что же? – ехидства в голосе мужчины было хоть ложкой ешь.

– За оказанную людям помощь. У господина Ренара серьезная травма, пришлось ему ампутировать ногу. Господи Шаронер мог остаться калекой на всю жизнь. У него перелом ключицы, сложный, к тому же у него было смещение шейных позвонков, и не окажись я рядом...

– Нечего вам там было делать!

– Тот, кому надо было делать, в этот миг валялся пьяной свиньей, – парировала я, забывая об осторожности. Это я живу тем, что больные заплатят! А этот гад сидит на жалованье с двумя такими же бездельниками и даже не может оставаться трезвым в день своего дежурства!

Лекарь вспыхнул.

– Ты, девчонка, еще судить меня будешь?! Да я людей лечил, когда тебя еще на свете не было! Ты, сопля зеленая...

– Не смейте ее ругать!

Шими оказался храбрее всех мужчин. А может, дело даже не в этом. Просто и Мэту, и Тимиру было не с руки ссориться с лекарем, мало ли как жизнь сложится. Такой может и из порта выжить. А что мальку терять?

Лекарь хватанул ртом воздух, не ожидая отпора, а Шими продолжил:

– Госпожа Ветана и дядю Мэта, и дядю Нота вылечила! И мне помогла! И вообще... она добрая! А вы... дармоед!

– Ах ты!..

Лекарь размахнулся, собираясь отвесить мальчишке здоровущую оплеуху, но тут уж не мешкала я. Чему-то же меня учили! На середине замаха рука лекаря встретилась с удачно выставленной вперед метлой. Звук был...

– Ау-у-у-у-у-у!!!

Перелома нет, подумалось мне даже как-то отстраненно, но синяк останется здоровенный. И рука будет болеть дней двадцать, кабы не больше.

– Вон из моего дома, пока я стражу не позвала! Явился тут... Ноги не вытер, руки не вымыл, к больным полез. Лекарь!

Я была в нешуточном гневе. Хорошо хоть у Мэта открытых ран нет, а если б это ничтожество к Ноту полезло?! Для того ли я рану ему промывала и зашивала, для того ли лечила, чтобы теперь ему заразу занесли грязными руками?! Убью кретина!

Лекарь, кажется, что-то понял, потому что сделал шаг назад.

– Да я!.. Да в стражу! Немедленно!!!

– Госпожа Ветана, вы уж простите, – Тимир смотрел виновато, – я случайно...

– Да я так и поняла.

– Господин Логан меня как раз после него позвал, вот и...

Я кивнула.

– Еще господин Логан просил на словах передать вам благодарность.

Я демонстративно вытащила из кармана кошелек, заглянула в него – и усмехнулась. Десять серебряных монет – весьма и весьма неплохо за один вызов.

– Благодарность принята. Передайте господину Логану, что я буду рада оказать помощь в любой момент.

– Да, госпожа Ветана. Извините еще раз.

Тимир извинялся, наверное, минут с десять, а потом ушел.

Мэт посмотрел на Шими. На жену. Опять на мальчишку и опять на жену.

– Тира, ты не возражаешь? Ему в порту жизни не дадут...

– Ты же знаешь, не возражаю.

Тира ответила супругу сияющей улыбкой. Я даже залюбовалась. Хорошая они пара, любящая. Жаль, у меня такого не будет.

Шими переводил взгляд то на них, то на меня.

– Э...

– Шими, ты ко мне жить пойдешь? – Мэт решительно прервал его раздумья. – Я, правда, небогат, но как-нибудь и выживем, и прокормимся.

Шими где стоял, там и сел.

– А... я... господин Шаронер...

– Мэт, Шими. Думаю, для «отца» рановато, а вот «Мэт» – в самый раз.

Мальчишка захлопал ресницами, открыл рот, пытаясь хоть что-то сказать, а потом самым позорным образом разрыдался.

Я посмотрела на это и вышла, оставив семью Шаронера (да-да, уже семьей, всех троих) разбираться самостоятельно.

Ренар пока так и не пришел в себя.

Повезло.

* * *

Или нет?

Спустя два часа в дверь домика постучали. Знакомый (прострел в пояснице) стражник выглядел смущенным, за его спиной маячила брылястая личность лекаря.

– Доброго здоровьичка, госпожа Ветана.

– И вам того же, – улыбнулась я. – Что случилось?

– Да вот, жалуется на вас господин Грем. Говорит, что его тут избили...

– Да? И кто?

– Вы, госпожа Ветана.

Я только ресницами захлопала.

– А свидетели есть?

– Говорит, что есть, госпожа Ветана.

– Так пусть предъявит!

– Вы их сами предъявите! Больных своих! – ядовито зашипел мужчина. – Пусть они попробуют сказать, что ничего не было!

Я пожала плечами.

– Господин Самир, – наконец я вспомнила и имя стражника, а не только его болячку, – пройдите в дом и поговорите с больными. А этого человека я на порог не пущу. Он не знает, что, входя к больным, нужно грязь с ног обтрясти. Полчаса за ним полы вытирала.

Лекарь зашипел и шагнул было вперед, но еще два стражника быстро его остановили. Просто скрестили копья перед калиткой. Мужчина побагровел, но затормозил. Я смерила лекаря насмешливым взглядом. А как ты думаешь, болван, кто им раны зашивает? Кто их семьи за медяки лечит? Кого и в час ночи могут с постели поднять?

Уж точно не тебя...

Самир честно прошел внутрь. И даже допросил Шаронеров, которые с невинными глазами ответили, что никто лекаря и пальцем не тронул. И даже не солгали. Метла же не палец, верно?

Самир покивал и с умным видом откланялся, забрав с собой лекаря. Кажется, еще и объяснил по дороге, что единственный синяк на руке – не доказательство. Мало ли где господин лекарь мог удариться? А госпожа Ветана, если бы взялась кого избивать, такой малостью не ограничилась бы. Вы, верно, и не знаете, а по ее приказу... Говорят, она такого человека вылечила, что ой-ой-ой...

Лекарь слушал, тряся брылями, но желания проверить информацию не изъявлял. Видимо, жить хотелось.

Кажется, обошлось?

Но впредь надо быть осторожнее. Эх, учишь себя, дуру, учишь, а все равно не впрок. Но я честно постараюсь впредь не допускать подобных ошибок.

* * *

А удачная пара дней выдалась. Обычно вызовов у меня куда как больше, а платят намного меньше. Золота мне хватит, чтобы оплатить аренду домика еще за полгода вперед, а серебро пока отложим. Мало ли что случится?

Сари Ренар, как и договаривались, пришла вечером, сменяя госпожу Шаронер. А ночью, около полуночи, пришел в себя Нот Ренар. М-да, хорошо, что я успокоительного заготовила побольше.

Мужчина рыдал, как ребенок. Едва-едва успокоили. Пришлось успокоительного влить и в Мэта. Поняв, чего он мог лишиться, грузчик затрясся, потом до кучи досталось и мальчишке, который на ночь остался под моим чутким присмотром, так что успокаивали мы не одного истерика, а троих. И винить их за это не получалось. Меня бы и саму перетряхнуло на их месте. Но выспаться опять не удалось. Так что новый день я встречала головной болью и веселенькими синими кругами под глазами.

Повезло – день оказался тихим. Никто меня не звал срочно спасать невезучих бедолаг, никто ничего не требовал. Женщина с распухшей щекой (зуб воспалился, вот и разнесло) и мальчишка, распоровший ногу о гвоздь в заборе – это мелочи. По полчаса на каждого – и по домам, господа, по домам. Так что после обеда мне даже подремать удалось.

Шаронеров я отправила домой ближе к вечеру, взяв с Шими обещание, что при малейших проблемах со здоровьем (боли, головокружение, тошнота, потеря ориентации) у Мэта они тут же бегут ко мне. Ренар пока остался.

Нагноения не началось, я готова была поклясться, что нога будет заживать без проблем, но лучше уж присмотреть пару лишних ночей за больным. Сложная была операция, да еще сколько пролежал на причале, чуть ли не среди дохлой рыбы. И кровь еще не восстановил...

Жена усиленно кормила его печенкой на завтрак, обед и ужин, Ренар кривился, но жевал. Заодно пытались подкормить и меня, но я отказывалась. Вот еще не хватало! Да, Ренара не уволят с верфей, ему даже будут платить, пока он не выздоровеет, но что и как будет потом? Им сейчас каждая монетка пригодится.

И все же я вздохнула спокойно, выпроводив Ренаров домой. Нагноения не было, заражения не было, мужчина выздоравливал. А уж как там дальше будет... Не знаю. Я лечу тела, а с душами – не ко мне. Это – в Пресветлый Храм.

Кстати... Надо бы и сходить на богослужение, ни к чему лишнее внимание привлекать.

* * *

– Сияющий мир, божественный свет...

Певчие выводили гимн нежными тонкими голосами. Красиво.

Я стояла вместе со всеми, слушала, в нужных местах осеняла себя знаком Сияющего Светлого и делала вид, что шепчу молитву. Потом подойду под благословение – и домой.

В этот храм я приходила уже не первый раз, и местные холопы меня отлично знали. Иногда даже совета спрашивали. Вот и сейчас местный холоп по-доброму улыбнулся и жестом попросил задержаться. Я послушалась и отошла в сторонку. Мужчина закончил благословлять прихожан и приблизился ко мне.

– Благословите во имя Светлого, – привычно произнесла я.

– Живи в Свете его и не допускай Тьмы в свою душу, – привычно осенили меня знаком. – Дитя света, я не просто так просил тебя задержаться.

– Что-то случилось?

– Да. Нельзя ли у тебя купить настойку от кашля? Уж больно хороша.

– С собой у меня нет. Много ли надо?

– Да чем больше, тем лучше. Ветра дуют с моря, болеют братья.

– Я завтра принесу на богослужение.

– Благодарствую, дитя света.

Уф-ф-ф-ф-ф!

Вроде бы ничего не подозревает. Но я только лечу своей силой. А настойки, отвары, мази – все это не содержит ни грана магии. Я пользуюсь рецептами, которым меня научила травница, которые я узнала из книг. И все же... Все же надо быть осторожнее.

– Я слышал, что ты вылечила госпожу Лиот?

Я только глазами хлопала. Лиот? Это кто еще такая...

Минуты три потребовалось, чтобы сообразить – это жена Жмыха. Да, имя-то у него красивое, а вот поступки – мерзкие.

– А... она разродиться не могла.

– Придворный лекарь сказал...

– Либо мать, либо ребенок? Да, я знаю. Но там надо было просто повернуть ребенка, вот и все. А у меня руки тонкие, кость узкая.

– Да, руки у тебя, как у аристократки.

Опасность!

Я наивно улыбнулась холопу.

– Так это и не редкость, вы же понимаете. Всякое случается.

Холоп медленно кивнул. Ну да, аристократы по деревням гуляют. И горничных частенько огуливают. А кровь – она всегда кровь.

– Что ж, дитя света. Жду тебя завтра с настойкой.

Я поклонилась нарочито неуклюже и направилась домой. Ох, не нравятся мне такие распросы. Но и бежать пока неохота. В большом городе затеряться намного легче, чем в глуши, в дороге, в деревнях. Там-то все и вся на виду. А в столице поди еще найди меня.

Но если не успокоятся, придется уезжать. Может, оплатить пока аренду домика только за месяц? Лучше за два месяца, а там посмотрим.

Уезжать решительно не хотелось.

Глава 4

Несколько дней прошли спокойно. В храм я сходила, настойку отдала, заодно убедилась, что холопы и слуги на меня капкан не ставили. Просто дошли до них слухи, вот и поинтересовались. Так, по-соседски, как о сбежавшем молоке или умершей кошке. Бывает. Кошку, кстати, мне еще раз приносили на осмотр. Хвостатая была жива, здорова и круглилась с каждым днем все больше и больше.

К Шаронерам я зашла один раз. Мэт выглядел вполне довольным жизнью, Шими помогал ему во дворе, радостно возился с новыми братом и сестричкой и выглядел невероятно довольным. Да и одет малек был намного лучше. Добротные штанишки, рубашка, курточка, даже сапожки... Все выглядело поношенным, но чистеньким и аккуратным.

Так делают.

Семьи бедные, на детей не напасешься, на них же все горит, новое покупать дорого. А есть и богатые, где один раз надели на ребенка вещь, а тот вырос. Или не понравилось. Или... И несут такие вещи продавать на рынок. И дешевле, и удобнее.

Я и сама покупаю там иногда платья. Благо со спины меня можно принять за пятнадцатилетнюю. Худая, щуплая, с работы лекаря особенно не потолстеешь... или я просто не там работаю? Или не так? Есть же и те, кто отожрался.

Лекарь.

Ох-х-х...

Господин Крамар решительно не оставлял меня в покое. Он был назойлив, как оса, и так же бесполезен.¹ Лекарь приходил мало не раз в два дня, с цветами. Один раз принес дорожные конфеты, отчего я только сильнее разозлилась. Цветы?! Да, я люблю цветы!

Жи-вы-е!

В саду, в горшках, в лесу... ЖИВЫЕ!!! Не мертвые, в букетах! Это как-то связано, кстати, с даром мага жизни. Я не люблю убивать.

Правда, я спокойно ем мясо, хожу в кожаной обуви, мою руки мылом, так что все до какого-то предела. Но цветы мне жалко. Есть необходимость: если я не буду есть мясо, то буду слабее, да и с обувью... Я понимаю, что Крамар пытается за мной ухаживать, но не понимаю – почему?

Вот и сегодня. Опять у калитки маячит, зар-раза! С розами!

Мне протянули здоровенный букетище, поцеловали ручки и рассыпались в комплиментах, напрашиваясь в гости на бокал вина. Пришлось отказать. Уж простите, господин Крамар, но я так устала, так устала... Сейчас рану зашивала, да еще травма у ребенка была.

Чистая правда.

И травма была – ребенок с дровяного сарая спланировал. Колено расшиб и шишку на лбу получил. Но сотрясения мозга нет, кости целы, отлежится денек, попа подживет – и опять бегать будет.

Почему попа?

А его отец, когда убедился, что опасности нет, хворостиной выдрал. За свой страх.

И рану я ушивала. Была у Ренаров. Нот хандрил, но заживление шло полным ходом. Надо вовремя вытаскивать дренажи и ушивать рану, сразу-то такая поверхность не срастется, это не кошачьи царапки.

Крамар видел, что я отговаривалась, но крыть было нечем. Мужчина покивал и распрощался, а я пошла в дом. Розы тут же отправились в вазу, а ваза – на улицу. В сад. Не из вред-

¹ Автор знает, что осы тоже полезны, но Вета этого знать не обязана. С ее точки зрения, осы кусаются, но меда не дают, а значит – бесполезны (*Прим. авт.*).

ности, просто пахнут они одуряюще, а домик у меня маленький. Оставь я их в комнате, спать потом не смогу.

Чем бы теперь заняться? Хотя лекарю всегда есть дело. Вот хотя бы холстину на бинты. Нарезать, прокипятить, свернуть, залить воском...

За этим делом меня и застала хозяйка домика. Мать хозяйки.

– Веточка, здравствуй. Как ты тут?

– Госпожа Лимира! – обрадовалась я. – Проходите, рада вас видеть! А я вам денежку отдать хотела за пару месяцев!

– Ой, спасибо, Веточка. И правда присяду, коль у тебя время есть.

– Я как раз бинты кипячу, так что с полчаса точно имеется, – завершила я.

Госпоже Лимире я была благодарна, и было за что.

* * *

Что я знала об окружающем мире?

Мало. Только то, что он – есть. Что там живут люди и их надо лечить. Как лечить – я тоже знала. А вот почему, сколько, кому, когда и за что...

Те знания, которые обычные люди впитывают с детства – как выбрать свежую рыбу, а не тухлую, где купить хороший хлеб, как торговаться на рынке, сколько взять за лечение с вельможи, а сколько с кухарки, как отличить хорошего портного от плохого и множество других, – мне были просто недоступны. Ну не знала я, неоткуда было! И отлично понимала, что это главная моя беда. Если что меня может выдать, так это не внешность, не манеры – мало ли у кого они какие, кто и в богатом доме разного наберется, – а вот эта неосведомленность. Вот что выделяет меня из общей массы.

Незнание.

Но с другой стороны, пока мы идем караваном, над этим задумываться не надо. Дорога и есть дорога, на ночлег мы будем останавливаться на постоянных дворах, там же можно купить все необходимое. И можно по пути приглядываться к людям. Как они ходят, разговаривают, как ведут себя. Научусь!

Караван...

Как путешествовать по стране? Смотря что тебе позволяют деньги. Аристократы путешествуют в каретах, со свитой, с охраной от разбойников. Раньше и я путешествовала так же, не задумываясь ни о чем.

Письма и тех, кто торопится, везут почтовые кареты, за кругленькую сумму они быстро с одного конца королевства на другой домчат.

Нищие бредут по дорогам, ничего не опасаясь – кому они нужны?

А как насчет крестьянина, который собрался на заработки? Купца, везущего товар? Женщины, решившей проведать дочку, переехавшую в другой город? Примеров много. А вот денег мало. Не все могут позволить себе нанять охрану, а разбойники водятся. Поэтому много лет назад чья-то умная голова придумала караваны.

Ты платишь определенную сумму в зависимости от того, как хочешь путешествовать: пешком, верхом, в телеге. Получаешь оплаченное и едешь с группой, человек тридцать-сорок. Называется это караваном. Он охраняется стражниками и медленно бредет по городам. Иногда – и между королевствами, но тут дороже. Тут еще учитываются въездные пошлины. Мне повезло, что я попала именно в такой.

Раньше разбойники пытались нападать на караваны, но тут уж вмешались короли. Начал это дело король Раденора, Александр Проклятый. Он попросту отловил всех, кто покушался на караваны в пределах его государства – и перевешал. Раз, другой, третий... Больше непопулярных не нашлось. Другие короли, глядя на него, тоже подтянулись и принялись воспиты-

вать население. Получалось хуже, но в основном караваны трогать перестали. Предпочитали добычу полегче.

Ночевки у караванов тоже в определенных местах: на постоянных дворах, которые платят королевский налог, или на специально обустроенных стоянках неподалеку от реки. В караване есть Ведущий – шифф. Обычно так к нему и обращаются. Шифф – это очень серьезная должность, тяжелая работа, большая ответственность. Все они состоят на королевской службе, все знают несколько языков, все обожают кочевую жизнь. Шифф – это и работа, и призвание. У нас был шифф Нарис, мужчина лет сорока с коротко подстриженной светлой бородкой и внимательным взглядом серых глаз. Он отвечает за все, в том числе и за здоровье, и за пищу, и за снабжение... порвались сапоги – в караване найдется тот, кто за малую монетку починит их для тебя. Нет монетки?

Тогда чини сам. Тебе дадут нитки и шило, но и только. Заболел? Положат на телегу и постараются лечить. Уж как умеют. Обслуживание клиента – согласно выплаченным деньгам.

Я платила за пеший переход из города в город, но совершенно не подумала об одной детали. Роковой в моем случае. Есть ли у аристократок удобные сапожки? Красивые – есть. Модные – есть. С вышивкой, с камушками, отороченные мехом, с пушистыми кисточками. А вот удобные, рассчитанные не на то, чтобы из кареты выйти, и не на прогулку верхом, а на длительную пешую ходьбу?

У меня не было.

К концу первого дня хромала я так, что самой стало страшно. По ощущениям – ноги я стерла до щиколоток. Так что, когда мы остановились на постоялом дворе, едва не заплакала от счастья, упав на скамейку. Нет, завтра оплачиваю телегу. Пешком идти просто не получится.

Разуться решила только в своей комнате. Три женщины, с которыми я делила ее, посмотрели и отвернулись, а четвертая покачала головой:

– Девочка, да ты так без ног останешься.

– Я тоже это подозреваю, госпожа.

Ноги болели до ужаса, к тому же опухли, а мозоли лопнули и кровоточили.

– Лимира меня зовут, можешь так и звать. Я сейчас тазик попрошу и водички из колодца.

И это было счастье. Я опустила ноги в таз с холодной водой, а потом обработала мозоли, наложила мазь и крепко забинтовала ступни.

– Спасибо вам, госпожа Лимира. Громадное!

– Да не за что, дочка. Ты в Алетар идешь?

Над этим вопросом я не задумывалась. Куда бы подальше от женишка, но...

– Да. А вы тоже?

– А у меня там дочка живет. Приболела она, и сильно, вот зять и попросил приехать. С внуками надо кому-то возиться. Трое у нее – мал мала меньше. Не справляется парень, да и Кариса меня приехать просила как можно скорее. Бойтся, что и в живых не застану.

Голос женщины изломался, дрогнул, она вытерла глаза кончиком платка и отвернулась к окну. Я вздохнула. Кажется, не миновать мне этой семьи.

Судьба?

– А что с ней случилось?

– Не знаем. Есть не может, голова кружится, тошнит...

Больше я расспрашивать не стала. Да, я лекарь. Единственное, что я умею – лечить людей. Но... мне было попросту страшно. А вдруг не получится? Такое ведь может быть?

Страшновато.

Я подожду до Алетара. Караван быстрее двигаться не станет, время у меня еще есть. Пусть все решает судьба.

* * *

Шифф Нарис пожал плечами в ответ на мою просьбу и сказал, что место в телеге найдется. Не жалко. Но лучше бы мне приглядеть сапожки получше. Я согласилась, но покупать их на постоялом дворе мне отсоветовали. И дорого, и вряд ли что хорошее продадут. Лучше уж потерпеть до первого города, который окажется на пути. Там будет привал на день, чтобы успеть пополнить запасы и закупиться товаром (да, товар так тоже перевозят).

Ничего. Доеду на телеге.

Соседкой по телеге оказалась как раз госпожа Лимира, симпатичная пожилая дама лет шестидесяти. Болтушка и сплетница, для меня – неоценимый человек. Другие скрежетали от нее зубами, а я слушала и впитывала информацию, стараясь как можно меньше говорить о себе. Впрочем, с ней это было несложно, стоило только спросить «А ваша дочь?..» – и меня накрывало потоком сведений. Да, большей частью – ненужных. Но удалось узнать, что дочь с мужем переехали в Раденор почитай уже лет десять назад, что они довольны, живут в Алетаре.

Куча сплетен про Алетар, про людей, про...

Даже про то, где продаются самые лучшие булочки во всем городе, – и то мне рассказали. Разве не замечательно? Я еще не бывала в столице Раденора, а уже знала о ней больше, чем о столице своей родной страны. Во многом именно госпожа Лимира определила мой выбор, и за это я ей благодарна. И за тот таз с холодной водой. Она об этом никогда не узнает, но это моя благодарность, и я сама решаю, когда, кому и за что ее дарить. А в тот момент мне гора золота была менее нужна, чем приснопамятный тазик и простое человеческое участие.

Но за добро я смогла отплатить добром.

* * *

Спокойной поездки у меня все равно не получилось. Не бывает такого, чтобы караван прошел без проблем и проволочек. Вот и в этот раз...

Что такое гроза?

Это красиво. Очень красиво, если смотреть из своей комнаты в замке на далекие горы, окрашенные всполохами молний. На серо-лиловое небо, которое раз за разом прочерчивают золотые огни, на надменные тучи, придавливающие деревья к земле своими животами. Слушать раскаты грома, завывания ветра... Потрясающий в своей силе и надменности гимн природы. Так это видится в тепле и уюте.

А вот когда гроза застает караван на проселочной дороге, когда вокруг перелесок, когда до ближайшей крыши над головой примерно полдня пути, когда из всей защиты у тебя плащ, который промокает быстрее, чем ты пальцами щелкнешь, и тент, который натягивают на телегу...

В этот раз я никакой красоты в грозе не увидела, зато мгновенно промокла, промерзла и мечтала только о горячем бульоне.

Шифф принял единственно возможное решение – двигаться дальше. Останавливаться на привал? Под порывами ветра мы ничего не смогли бы сделать. Ни костры разжечь, ни обсушиться. Когда кончится гроза – неясно, идти далеко, но, если ночевать в таком виде в поле, завтра большая часть людей проснется с болезнью горла, и шифф это отлично понимал.

Так что телеги и лошади двигались сквозь густую кашу из ветра и воды. Ругались, стояли, но шли вперед. И все было нормально, пока буквально в паре шагов от дороги молния не ударила в дерево.

Никогда не забуду этот миг.

Грохнуло и взблеснуло так, что я на секунду ослепла и оглохла. Взвизгнула и упала в телегу, закрывая голову руками. Я тогда сильно испугалась. Кажется, остальные тоже пытались спрятаться куда поглубже, не знаю. Могу отвечать только за себя.

Нам еще сильно повезло. Хотя можно ли это назвать везением?

Молния ударила в дерево рядом с дорогой, расщепила его на две части, и одна из них завалилась на дорогу. Точно повезло, что никого не покалечило. Еще немного вперед – и дерево рухнуло бы как раз на телеги. Повезло и в другом. Оно перегородило дорогу впереди, так что большая часть лошадей просто не смогла взять с места в галоп. Дерево помешало.

Но лошади все равно ополоумели. Они вставали на дыбы, бились, ржали, наездники поопытнее сумели своих сдержать, более неловкие падали в грязь, прямо под копыта, слышались крики...

Шифф сумел навести порядок только через час.

Все были построены, мужчины отправлены оттаскивать с дороги дерево, женщины – представлены позаботиться о пострадавших. Несколько человек ушли ловить сбежавших лошадей, а я занялась своим прямым делом.

Было несколько переломов, два вывиха, синяки, шишки, небольшие раны – и все это требовалось промыть, обработать, перевязать. Шифф не слишком поверил заявлению о том, что я лекарь, но своего в караване не было, а стражник, который немного разбирался в лекарском деле, удачно упав, выбил себе плечо и был временно ни к чему не гош. Даже когда я рывком поставила сустав на место, за что удостоилась трехэтажного ругательства в адрес моей матери, ему все равно не стоило двигать рукой хотя бы дня три. Так что всех раненых пришлось пользоваться мне.

И госпоже Лимире.

Как помощница, она оказалась просто незаменима. Так что цена на проезд для меня и для нее значительно снизилась. Шифф оказался человеком благодарным, и до Алетара мы ехали с комфортом. А в Алетаре госпожа Лимира предложила хотя бы пару дней переночевать у них, пока я не найду, где остановиться.

Я подумала – и согласилась. К тому же она преследовала и свои цели. У госпожи болела дочь, а в моих способностях женщина уже убедилась и хваталась теперь за соломинку. А вдруг помогу? Хоть советом, хоть чем? Ночлег я в любом случае отработаю.

* * *

При первом же взгляде на госпожу Арнет, дочь госпожи Лимиры, мне стало ясно: дело плохо. Лицо бледное, бескровное, глаза запавшие, под ними синие круги, пальцы на просвет видно, а тело... Да по ней скелет изучать можно!

Госпожа Лимира схватила за голову, а я – привычно – за руку женщины, считать пульс. Потом послушаю сердце, легкие... Да что же с ней такое? Но расспросы ничего не давали. Чувствует себя плохо, тошнит все время, голова кружится, сил нет. Что поест – все наружу выходит. Пьет понемногу бульон, но скоро и его нутро не примет. Мама, прости, ты же позаботишься о моих детях? Наверное, это внутренний червь.

Наверное.

А я все же посмотрю, в том числе и своим даром. Только спроважу всех.

Госпожу Лимиру за дверь выставить не удалось, но ее я как раз не боялась. Милая женщина была подслеповата, так что искорки вокруг моих пальцев попросту не заметит, пока носом не уткнется. Наоборот, она полезна будет.

Так и вышло.

Мать держала дочку за руку, занимая разговорами, а я медленно и осторожно прошупывала женщину своим даром.

А ведь... Вот твари! Но – кто?!

Десяти минут хватило для краткого и грустного:

– Госпожа Лимира, а ведь вашу дочку ядом травят.

Обе женщины только глазами захлопали.

Как – ядом?! Зачем травят?! Кому это вообще понадобилось?!

Ну, на последние вопросы у меня ответа не было, а на первый – так запросто. Настойкой волчьей ягоды ее травят. Медленно да верно, знаю я этот яд. Еще немного, и сердце отказало бы. А признаки именно те. И тошнота, и рвота, и в моче кровь. Просто добавляют яд медленно, по капле, потому и не поняли люди. А вскоре, через месяц-полтора, померла бы госпожа Арнет, и в голову никому бы не пришло...

– Что же делать, что делать?! – схватилась за голову госпожа Лимира. – Вета, деточка...

Учитывая, что я чувствовала себя обязанной доброй женщине, ответ был однозначным.

– Лечить буду. Вылечу. Есть у меня противоядие, дня за три-четыре яд выведем, потом только восстанавливаться будет. Платы не возьму, проживу с вами, пока госпожа Арнет...

– Кариса.

– Пока Кариса не оправится, а я себе жилье не найду. Лишнего дня не стесню, обещаю.

Госпожа Лимира меня уже немного знала, больше месяца в дороге вместе провели, поэтому она закивала.

– Да, Веточка. Мы только рады будем.

– И спать я буду в этой комнате. Рядом с больной. На полу мне постелите.

Этот пункт тоже возражений не вызвал, после того как я объяснила, что тело будет чиститься. Мало ли что, лекарка должна быть рядом на всякий случай.

Но это – чем травят.

Кто травит – предстояло выяснять женщинам. А вот как...

Яд – это ведь не просто так, его принести требуется, подмешать к чему, дать человеку. К тому же и муж Карисы, и ее дети были полностью здоровы. Как же яд попадает в кровь больной?

Первым делом я перетряхнула все на кухне. Без особой надежды. Любой отравитель не дурак, чтобы держать такую опасную вещь рядом с детьми. Да просто – полезут в шкаф и наткнутся. Потом последовательно просмотрела косметику Карисы, мази и притирания, лекарства и одежду... Нет. Чисто.

Кто бы это ни был, яд он носит... с собой? Глупо. Демонски глупо! Яд должен быть где-то неподалеку! Обязан! Но если есть какой-то тайничок – под половицей, за камушком или еще где, – я его никогда не найду. Я ведь не собака, такого острого нюха у меня нет.

А идея!

Если дать собаке понюхать яд...

Отравителя я собиралась найти и разъяснить по всей строгости. Я – лекарь, я поставлю Карису на ноги, а потом кто-то придет и ее опять отравит?! Вот еще не хватало! Не позволю мою работу портить!

* * *

Лечила я Карису ночью, лечила своим даром и радовалась, что предусмотрительно наполнила женщину снотворным. А то не дай Светлый проснется, что ей потом объяснять? Что я сижу и вожу над ней руками потому, что пытаюсь человека под одеялом нащупать? Или строение скелета изучаю?

Неубедительно.

Но за один раз ее даже моим даром не вылечить. Или я потом сама свалюсь. Яд – это ведь не просто так. Ее травили медленно, тут и желудок, и печень, и почки, и даже сердце – все поражено. Вовремя мы успели.

Что ж, Кариса, тебе повезло. Я помогу тебе.

Я медленно водила руками над телом. В первую очередь мы почистим сердечко, чтобы оно билось спокойно и ровно. Соберем из него весь яд, осторожно выведем к почкам – и наружу его, наружу! Чтобы и следа не осталось!

Да, Карисе будет неудобно ночь пролежать на мокром, и с утра она будет стесняться, поняв, что описалась во сне, ну и ладно! Лучше небольшое неудобство, чем смерть. Да и оставлять эту пакость в теле женщины не хотелось. Завтра выведу побольше яда из печени, потом из почек...

Много его. За один раз не справлюсь. Выводить, восстанавливать... И так умоталась. Рухнула на одеяло – и заснула как убитая.

Утром я проснулась от возгласа госпожи Лимиры:

– Кариса, деточка...

«Деточка» чувствовала себя намного лучше, пила бульон, жевала сухарики и благодарно улыбалась мне. Ее муж, симпатичный мужчина лет тридцати по имени Вилт, поздоровался со мной с утра – и убежал на работу. Чтобы содержать семью и оплачивать лекаря для больной жены, он трудился с утра до ночи. Строил дома, отделявал их, в подчинении у него была артель из десяти человек, и работали они на совесть, их и аристократы звали, не брезговали.

– Добрый день! Угадайте, кто пришел!

Голос был вполне дружелюбным. Но...

– А, здравствуй, Таниль, – госпожа Лимира не лучилась дружелюбием. Симпатичная женщина лет тридцати, стоявшая в дверях, даже отступила назад. Но тут же опомнилась, вошла, закрыла за собой дверь.

– Госпожа Лимира, рада вас видеть!

– Взаимно, деточка, взаимно. – Лимира улыбалась, только вот в ее добрые чувства не верилось. – Что тебе надо?

– Я к Карисе.

– Ты же знаешь, она больна.

– Ну да. Я и помогаю с домом, пока она себя плохо чувствует. Вот, за хлебом зашла, Карисе лепешки купила, может, она хоть одну съест.

– Спасибо, – госпожа Лимира взяла у женщины узелок. – Я сейчас посмотрю. Веточка, ты не взглянешь? Можно Карисе такие?

– Веточка? – прищурилась женщина, потеряв половину обаяния. – А кто это?

– Я – лекарь, – спокойно ответила я.

– И чем же больна моя несчастная сноха?!

– Затрудняюсь пока ответить, – сама не знаю, почему я сказала именно так. – Разберусь в ближайшее время. Лечить я ее уже начала, а там посмотрим.

– Госпожа Лимира, вашу дочь пользует лекарь Карт с улицы Золотых пчел, – Таниль подчеркнуто обращалась только к матери больной. – Может, стоит ему довериться?

– Я подумаю. А ты иди, иди, деточка, у тебя ребяташки дома...

– Да они сюда придут.

– Зачем?! – удивление госпожи Лимиры было совершенно искренним.

– Ну... я же тут.

– Таниль, милая, мы так ценим твой труд, – заворковала госпожа Лимира, подталкивая женщину к двери, – ты всегда такая услужливая, так готова помочь! Просто не знаю, что бы мы без тебя делали. Ты притомилась, наверное? Так отдохни, домом займись, детьми.

Дверь хлопнула. Через несколько минут Лимира появилась на пороге, красная от гнева.

– Вот дрянь, а?! В дверь выгнали, так она в окно ползет!

– Кто это?

– Сестра Вилта, Таниль. Та еще пакость!

– Расскажите?

– Расскажу. Так что она там притащила?

Лепешки были свежими и явно вкусными. Только вот Карисе их лучше не давать – и так желудок ослаблен. Раздражение будет.

Переговорив с госпожой Арнет, мы выяснили, что Таниль таскала их мало не каждый день. Лимира только зубами скрипнула.

– Пакость сладенькая! Не при Вилте будь сказано!

Кариса подтвердила кивком слова матери.

Я принесла больной очередную кружку травяного отвара – пусть промывает нутро, чтобы мне полегче было, – и услышала в награду историю жизни Таниль.

В общем-то не особенно новую под луной. Известно, что бывают бедные семьи, в которых у отца руки из задницы растут, а мать, как ни бьется, детей поднять толком не может. Такой и была семья Вилта. Отец, который не пил, только когда в трактирах вино кончалось, мать, которая тащила на себе тяжелый семейный воз, и двое детей. Таниль – старшая, Вилт – младший. Были и еще, да умерли. Таниль с детства занималась Вилтом, учила его, присматривала. Брат и сестра были очень дружны, несмотря на разницу больше чем в десять лет. А когда Вилту было шесть, сестрица вышла замуж, да за мужчину малым не на двадцать лет ее старше. Понадеялась, что из нищеты вырвется.

Зря.

Недаром говорят, что добиться всего можно только трудом и умом, ой недаром.

Муж Таниль оказался таким же головозатыком и голопопым, как и ее отец. Ни дома, ни дела, ни желания что-то делать. А зачем? Трактиры же открыты! Таниль родила двоих детей и потащила семейный воз, как и ее мать. С той разницей, что Вилт старался помочь сестрице. Пока не женился.

Не сказать, чтобы Кариса была сильно против. Когда всего в достатке, грешно не поделиться. Но – до предела. Можно помочь человеку, но не стоит сажать его себе на шею. Известно же, что в первый раз тебя поблагодарят, во второй кивнут, а в десятый поинтересуются, почему это ты своих обязанностей не выполняешь?

Вот и Таниль так же.

Сначала она забегала вроде как в помощь Карисе, потом детей с собой привела, и опомнилась Кариса только тогда, когда стал забегать столоваться и муж Таниль. А потом еще являться пьяным, скандалить, блевать под забором и одалживать у Вилта деньги. И эту пьяную скотину видели дети! Пришлось это дело обрывать, и жестко. Договориться с подругой, отводить к ней детей на время, самой брать работу на дом, выпроваживать наглых гостей...

Вилт ничего не хотел даже слышать, для него это была сестра, близкий и родной человек. Первое же возмущение Карисы наткнулось на железное непонимание мужа. Как так может быть – его женщины вдруг не нашли общего языка? Такого – не бывает.

Вот и пришлось Карисе вежливо, не произнося неприятных слов, отваживать наглую родственницу. Не то чтобы ей было жалко денег или тарелки супа, просто она искренне считала, что помощь – это движение в две стороны. Ты мне, я тебе. На том мир стоит. А когда помогают на медяк, а требуют на золотой, это уже немного другое, верно?

Таниль поняла намек к концу второго месяца и постепенно убрала излишки своей жизни от Карисы. Перестал забегать ее муж, одалживать у Вилта деньги на хлебешек, перестала каждый день захаживать сама Таниль, ограничившись визитами по выходным. Вилт по-прежнему помогал ей, но намного меньше – это жизнь.

С новой силой проблема заявила о себе с год назад. У Карисы в Алетаре имелся небольшой домик. Раньше они жили в нем с матерью, потом госпожа Лимира уехала к сыну, а домик Кариса сдавала, получая за это небольшую денежку. В семье все к месту. Тем более когда детей трое.

Около года назад мужа Таниль в очередной раз (двести пятидесятый, юбилейный) выгнали с работы. Артельные пошли – отвратительные! Не уважают человека совершенно, работать требуют, да еще грозятся за лень и глупость из зарплаты вычесть.

Таниль, оставшись без денег (вранье, со слов Карисы), прибежала к ним и принялась плакаться на жизнь. Звучало это так: пустите переночевать, а то ни есть, ни пить, ни носить нечего.

Домик на тот момент пустовал, но Кариса отлично понимала: временное есть самое постоянное в мире. Пустишь раз – не выгонишь год. Поэтому она покачала головой, мол, извини, дорогой, домик я сдала. Сегодня.

Таниль поняла, что ей отказано, Вилт понял, что жена лжет. Разгорелся скандал, и Кариса в сердцах высказала все в лицо золовке. И то, что она решать чужие проблемы не нанималась. И то, что не она создавала их Таниль. Выходила замуж, надеясь на золотые горы? Не получилось? В активе оказались горы навоза? Так раскидай его по огороду и собирай урожай! Никто тебя силком замуж не выдавал, детей рожать не принуждал, жаловаться на жизнь тем более не стоит, у Карисы она не лучше. Тоже работает, чтобы мужу помочь, глаза над вышивкой слепит, бисером одежду расшивает. Стоит дорого, да делается сложно и долго. Таниль тоже много чем могла бы заняться, да предпочитает ходить и жаловаться. Тут песенку о своем горе споет, там кусочек от чужого пирога откусит, к третьему поплакаться поползет. Так что не надо. Сначала она сама себе проблем нажила, а теперь требует, чтобы все их решали.

Так вот. Кариса этого делать не обязана. Точка.

Тогда супруги единственный раз крупно поссорились, но Кариса осталась тверда в своем решении. А спустя полгода и заболела. Тут Таниль проявила себя с лучшей стороны. Старается делать что может.

– Мне эта змея в сиропе никогда не нравилась, – дополнила госпожа Лимира. – Как хочешь, Веточка, да только ханжа она. И дура. И дрянь редкостная. Плохое сочетание, ой плохое.

Я только плечами пожала. Пока мое дело – Кариса.

Вторая ночь прошла лучше. И наутро Кариса под восхищенным взглядом мужа уже пробовала есть жиденькую овсянку на воде и даже улыбалась. Я почистила ей печень, вскоре женщина обретет нормальный цвет лица, без этой землистой зелени, а там и до почек дело дойдет.

Вылечу.

Но яд-то я пока не нашла!

Таниль явилась на следующий день. Принесла пышки, которые сама испекла, предложила Карисе, я опять попросила госпожу Лимиру не давать их женщине, Таниль возмутилась, принялась сомневаться в моих способностях, госпожа Лимира ошетибилась... Начавшуюся ссору оборвал муж Таниль. Явился пьяным, наблевал на пороге. Пока его привели в себя, пока выставили вместе с непрерывно извиняющейся Таниль – часа два прошло, не меньше.

Травяной отвар так и стоял на тумбочке у кровати Карисы. Я подумала и решила его подогреть. Не пить же остывшим? Он и горячим-то неприятен, но так хоть вкус не чувствуется. А холодный... бэ-э-э!

Нам повезло дважды.

Что Кариса не выпила ни капли, устав и заснув после ухода незваных гостей. Что разогреть отвар я решила самостоятельно. Госпожа Лимира просто не поняла бы, что перед ней. А я-то все запахи знаю, все вкусы. Кому, как не мне, было заметить новый оттенок? Потом я попробовала на вкус каплю отвара, скривилась... Отравитель был найден.

Отравительница.

Только что с ней делать, не знали ни я, ни госпожа Лимира. За руку мы ее не поймали, Вилт нам в жизни не поверит, стража тоже, а заявления вроде «да сволочь она, сволочь!» ни один суд в расчет не примет. Увы.

– Надо поймать ее за руку, – решила госпожа Лимира.

– А как?

– Вот если бы... А откуда она яд взяла?

– С собой принесла?

– А если он в спальне Карисы? Больше-то никуда она не заходила, негде больше? А у себя она его хранить побоится, точно!

– Почему?

– Да старший сын у нее... ненормальный. Везде лезет, все ломает, минуты спокойно не посидит. Чума, а не ребенок. Что хочешь найдешь, не убережешься. Думаешь, Кариса просто так от них устала? Своих трое, да чужих двое, да оба... Оба они такие у Таниль выросли! То визг, то истерика, то пригляди за ними, то останови, то почини, что сломали, – никаких сил не хватит. Да еще муж выговаривал Карисе, что она-де его племянников не бережет! А как их убережешь – таких? Пусть за них родная мать отвечает! А к себе в спальню Вилт детей не пускает. Ни своих, ни чужих.

– Оно и правильно. Пойдемте осматривать спальню?

И мы таки нашли его!

Маленький пузырек с темно-коричневой настойкой, спрятанный под подоконником. Там досочки, которыми были стены обшиты, отходили, вот под ней, в углублении...

Кариса только за голову схватилась.

– Мама! Вета! Так это же...

Мы закивали.

Это. А могло и хуже быть. Только что теперь делать?

– Вилту говорить нельзя. Ему надо все на месте показать, иначе в жизни не поверит, – решительно приговорила Кариса. – Только как?

Я усмехнулась:

– А вот так.

И Вилт узнал, что лекарка советует переобшить спальню. Дескать, часть досочек, которыми стены обшиты, из осины, а это дерево плохое. Да и подгнили они изнутри. А потому надо Карису переселить в другую комнату, а эту отделать заново. Опять же и Карисе в радость, выздоравливать быстрее будет, а то ей опять что-то поплохело...

Госпожа Лимира сбегала к знакомым стражникам и уговорила их быть свидетелями. Так добыча и попала. Схватили Таниль на месте, с пузырьком в кармане, поинтересовались, что это за настойка такая, та пыталась отпираться, но улики были неоспоримые. Дали показания и я, и госпожа Лимира, и сама Кариса. Ее осмотрели помимо меня два судебных врача, признали отравление, признали яд – и приговорили Таниль к каторге.

На суде она отпиралась, как могла, заговорила, только когда поняла, что никто ей не верит. И тут наслушались все. Я – за то, что влезла куда не надо! Без меня бы все получилось. Стерва я и сука. Госпожа Лимира – за то, что ее демоны не вовремя принесли, да еще со мной вместе. Никогда она бедную Таниль не любила, все время со свету сживала. Как и зачем – непонятно, но – факт! Гадина старая. Вилту досталось за недостаток денег! Мог бы и о сестре подумать, а он все в дом, все в семью! Негодяй! Карисе – за тот домик, за заносчивость, за нежелание содержать родню, сажая ее себе на шею... Мужу Таниль – этому вообще за все хорошее. То есть за все плохое, хорошего слова она о нем ни одного не сказала. Любящая жена и любящая сестра, воистину.

Вилт был безутешен. Пережил тогда крушение мира. Как же! Сестра! Самый близкий и родной ему человек покушается на второго родного человека. На жену! Да за что ж так?!

Правда, детей Таниль все равно пришлось воспитывать Вилту с Карисой. Их отец растворился в нетях через месяц после суда над женой, но женщина сумела взять их в руки. Старшего парнишку отдали на флот, там в нем души не чают, а младшего пока не поздно исправить.

А мне Кариса сдала тот самый домик, из-за которого все началось. Сначала они и деньги брать не хотели, но я настояла. Чуть поменьше, да, но плачу я исправно, к тому же купила в домик кое-что, ремонт сделала. Если мне уезжать придется, все тут оставлю. Да и лечу их семью бесплатно, так что никто не в обиде. Даже Вилт.

А госпожа Лимира частенько забежала ко мне посплетничать о том о сем, подсказать, где что хорошее можно купить, рассказать последние новости города. Вот и сейчас она удобно расположилась напротив меня на стуле.

– Веточка, ты слышала? Говорят, война скоро будет.

– С кем?

– Так с Миелленом.

О-о-ох...

* * *

Война...

Вот уж что мне решительно не нравилось как лекарю. Убить человека – секунда, а сделать? Воспитать, вырастить, выучить? Это – сколько?

На войне на это не смотрят.

Иногда мне кажется, что править должны королевы. Женщина лучше понимает ценность каждой жизни. Мужчины до старости иногда остаются мальчишками, играют в солдатики, а ведь это уже не куклы. Живые люди. И им тоже больно. Небось сам король на войну не пойдет?

– Почему не пойдет? – удивилась госпожа Лимира. – Еще как!

– А почему война?

– Потому что в Миеллене герцог совсем ума лишился, – огрызнулась госпожа Лимира. – Мы-то себе сидели тихо. Да нам и воевать надобности нет.

Это верно, Раденор – страна богатая. Но в Миеллене тоже есть кое-что хорошее. А именно – уголь. Вот им они и торгуют. Уголь, земляное масло...

– Тогда что случилось?

– У нас с Миелленом граничит герцогство Атир, знаешь?

– Знаю.

– Вот. Там недавно тоже уголь нашли. И герцог обеспокоился.

Я покивала. Тогда понятно. Раз у нас уголь есть (у нас? Но живу ж я в Раденоре, значит – у нас), то у Миеллена мы его больше покупать не будем? А значит – уменьшение доходов, ухудшение торговли и прочие неприятные вещи, о которых я имею смутное представление. Я – женщина, меня учили правильно тратить деньги, а не зарабатывать их.

– Он первым и напал. Мы только пласт разрабатывать начали, а они хотели его поджечь...

Я покивала еще раз, напоминая себе задумчивую лошадь. Смутно знаю, что уголь залегает пластами, что где-то он может выходить на поверхность и там его можно достать, а где-то прячется в глубине, и добыть его нет никакой возможности. Маги земли могут попросить металл выйти на поверхность, но и магов мало, и сил у них капля.

– А как случилось, что его в герцогстве нашли?

– Да там болота осушать стали. Король распорядился, дескать, надо. Местность сырая, нездоровая, люди болеют... Так что воду отвести, осушить да под пашни его. Ну, теперь под пашни не получится. Направил туда магов воды и земли, а оно вон чего вышло!

М-да. Невесело.

– Да и его величество давно на Миеллен облизывался, – лукаво улыбнулась госпожа Лимира.

Вот это – наверняка. Использовал войну как предлог. И не его ли руками была устроена эта провокация? Ох, не верю я в доброту власть имущих.

А чем это грозит мне?

Да ничем. Мужа или сына у меня нет, а то, что я лекарь... Была бы женщиной, могли бы предложить службу. А я женщина, мне в войске не место. Если сама не захочу и очень-очень не попрошусь. Так что я успокоилась, и разговор пошел обычным путем.

Дом, дети, дочь, зять...

* * *

Они пришли ночью. Поскреблись в окно.

– Госпожа Ветана, не соизволите ли открыть?

Открыла, куда ж я денусь. Двое мужчин, каждый раза в полтора, а то и в два крупнее меня, смотрели строго.

– Вам надо проехаться с нами. Очень надо.

– Что у вас случилось? – Я зевала во весь рот.

– Один человек болен.

Это дело абсолютно житейское.

– Сейчас, сумку возьму и оденусь. Подождите три минуты.

– Поторопитесь, госпожа Ветана.

Стоило мне выйти за порог, как один из мужчин протянул руки к сумке. Я покачала головой.

– Не надо.

– Я просто помочь.

Я вгляделась в лицо мужчины лет сорока. Грубоватое, но чем-то симпатичное. Будь я той породы женщин, которой нравятся обаятельные негодяи, обязательно повелась бы. Тяжелый подбородок, не слишком высокий лоб, выразительные темные глаза...

Производит впечатление неглупого.

– Сумка должна всегда быть при лекаре. Мало ли что.

Ответом мне был короткий кивок и согнутая рука. Я накинула на голову капюшон плаща и приняла предложение. Второй мужчина последовал то ли за нами, то ли впереди нас.

Путь вел в портовый город.

Алетар делится на несколько секторов, и они как бы спускаются с холма к морю. Высокий город – он же Белый город, – там королевский дворец, там живет знать. Средний город из-за множества садов, которые оставил там Алетар-основатель, все зовут Зеленым. Там богатые купцы, знать пониже и пожиже, лавки, Верхний рынок.

Низкий город – иногда его называют еще и Желтым – совсем близко к морю. Тут пески, на них ничего толком не вырастишь, разве что мои пару грядок, здесь живет беднота, здесь стоят мастерские, здесь Нижний рынок...

И – Рыбный город. Или – припортовый район. Самый грязный и опасный, кстати говоря. Склады, контрабандисты, ворье... Я сюда и днем трижды подумаю, прежде чем идти. Во всяком случае, в такие переулки. Есть и тут улицы, которые патрулирует стража, их специально оставил при строительстве Алетар Раденор. Они широкие, удобные и даже освещаются фонарями, но мы словно специально избегали их, пробираясь по трущобам. Пару раз я слышала в темноте невнятные слова. Могла разобрать, если бы напрягла слух.

Наверное.

Если это воровской жаргон, вряд ли я что-нибудь пойму, а что мои спутники – ворье, и не из простых, я даже не сомневалась. Но желания кричать «Стража!!!» не возникало. Болеть каждый может.

Наконец мы остановились перед ничем не примечательным домиком, и мой спутник постучал в стену. Два раза. Три. Потом один и четыре. Некоторое время стояла тишина. Потом дверь распахнулась.

– Привели?

– Привели.

Меня чуть подтолкнули внутрь, и свет резанул по глазам. Я на секунду зажмурилась, а потом передо мной оказалось лицо женщины лет тридцати. Довольно красивое, но потасканное и слишком вульгарно накрашенное.

– А что, никого приличнее не было? – осведомилась она.

– Ты же знаешь, Шер уже старый...

– И что? Девочек тащить? Можно подумать, она что-то умеет?

Все. Мое терпение кончилось. Я выпрямилась во весь невысокий рост.

– Не сомневаюсь, любезнейшая, что *вашими* умениями я не обладаю. И даже не претендую, – мой голос звучал сухо. И повернулась к мужчинам: – Вы меня сюда привели ради этой невоспитанной особы или ради больного человека?

Вспыхнули все трое. Девушка – от гнева, мужчины – под моим взглядом. Забавно, вот уж не подозревала, что такие личности еще краснеть не разучились! Спасибо за науку, мама. Верно она говорила, что высокое происхождение не в драгоценностях и платьях, оно во внутреннем стержне, который безошибочно распознается рожденными в канаве.

Или неверно, и в канаве может родиться истинно благородный человек? Но тот ли это случай?

Девушка двинулась ко мне с намерением вцепиться мне в волосы. Я чуть расслабила пальцы на ручке сумки. Уложено там все так, что не побьется, если кинется – ударю в голову, сама же и вылечу, если что. От своры собак я один раз скромной сумочкой лекаря отбилась.

Один из мужчин перехватил ее. Второй кивнул на комнату.

– Проходите, госпожа Ветана.

Что я и сделала. И тут же, забыв обо всем, бросилась в человека, который лежал на кровати без сознания.

Мужчину ранили в живот. Ранили нехорошо, опасно, полоснули так, что кровью пропиталось уже полкровати. А что там под повязкой – Светлый ведает. Хорошо, если грязь в рану не попала.

Я повернулась к одному из мужчин.

– Воды, и побольше. Прокипятить ткань, ему понадобится чистое белье. Мне – не мешать. Принесите еще лампы, чтобы было лучше видно.

И склонилась над раненым. Осторожно убрала с его живота повязку. Не разматывая. Просто достала нож и срезала залубеневшие от крови узлы. И моему взгляду открылась неприглядная картина.

М-да... порезали поперек живота так, что кишки наружу вываливались. Если целы – чудом будет. Разумеется, кровопотеря, болевой шок... Да много всего хорошего.

За спиной послышалось злобное шипение. Давешняя девушка поставила лампу поближе ко мне, одарила злобным взглядом и вышла вон. Кажется.

Я уже не смотрела, я осторожно прощупывала рану. Придется вложить кишки обратно, плотно зашивать нельзя, о-о-ох... Ладно. Сначала разобраться с больным, а потом все остальное. Повернулась ко входу в комнату. Один из двух моих провожатых стоял у входа и смотрел весьма встревоженно.

– Не знаю, – честно призналась я. – Есть шансы выжить, но умереть у него шансов намного больше. Что смогу – сделаю, а вы все подождете за дверью. И чтобы никто не тревожил, пока не позову.

– Вот еще! – взвился склочный женский голос – и оборвался звуком затрешины. Мужчина посмотрел на меня, словно разыскивая что-то важное для себя в моем лице, а потом кивнул:

– Хорошо. Постарайтесь, госпожа Ветана.

Я кивнула, не обращая внимания на прозвучавшую в голосе угрозу. Постарайтесь... А разве я могу иначе? Достала из сумки белую косынку и принялась заматывать волосы, чтобы ни одна наглая прядь не выскользнула из-под ткани. Еще не хватало облить в открытую рану.

Волосы у меня длинные, прямые, гладкие и тяжелые. Давно бы обрезать, но памяти жалко. Бабушка меня так уговаривала косу растить... Вот и выросло кошмарище до попы, толщиной в руку. Я ее почти никогда и не распускаю. Расчесала – и вновь заплела, чтобы не трести гривой. Это аристократкам можно перевивать роскошные прически бриллиантовыми нитями.

У меня была рубиновая.

Воспоминания не мешали мне накидывать на платье балахон, привязывать пациента к кровати, протирать руки винными выморозками, потом осторожно очищать сначала живот мужчины, а потом и саму рану.

Мужчина застонал через обморок. Я коснулась его сонной артерии. Пульс есть. Неровный, редкий, но он борется. Что же... Кто бы ты ни был – я сделаю все для твоего спасения. А пока надо остановить кровотечение и осмотреть кишечник. И для твоего же блага, человек, надеюсь, что ты не ел. Или что оружие не распорол тебе кишечник, потому что его содержимое в брюшной полости... о-о-о-ох... Но запаха дерьма вроде бы не было. Впрочем, не обольщайся, Вета. Ты можешь что-то и не видеть.

Ничего. Дар увидит.

* * *

Спустя два часа мне самой впору было лечь рядом и помирать. Кровать – это не мой удобный стол, а потому спина болела адски. Глаза тоже болели, да и руки – сшивать брюшину не так легко. Так что я крикнула, что можно заходить, а сама улеглась прямо на грязный пол. Сил вообще не было. Что подумала вся эта компания, увидев пациента на кровати, а меня на полу, даже и не предполагаю, но глаза у них плавно расширились. У всех троих.

– Надеюсь, выживет.

– Надеется, госпожа Ветана?

– Что смогла, я сделала. Кто сможет сделать больше, не знаю, – честно ответила я.

Это было абсолютной правдой.

Мой дар уверенно шептал, что мужчине повезло. Видимо, его ударили поперек живота чем-то вроде сабли, но он успел отскочить назад. Вот и досталось – самым краешком. Кишки уцелели, а кожу и мышцы рассекло.

Проблема была с грязью, которой попало достаточно, но, что смогла, я промыла и обеззаразила. Если не пойдет воспаление – выживет. Крови он потерял много, но с моей помощью должен ее восполнить побыстрее. А вот смогла ли я сложить кишки правильно? Вот вопрос?

Кишечник должен пропускать пищу, а если получился перехлест или нечто в этом роде, петля, непроходимость... Придется переделывать заново и снова рисковать жизнью пациента. Заражение крови – не шутка.

– Двигаться ему пока нельзя. Мне надо приходить хотя бы два раза в день. Переносить его не нужно, кормить – тоже, поить – по чуть-чуть, буквально по паре глотков в час. Пока только вода, чистая. Поить с серебряной ложки. Прокипятить два раза, стакан промыть, ложку тоже.

– Да у нас и золото найдется...

– Только серебро. Кипятить тоже с серебром.

– Перевязки?

– Два раза в день. Мне придется делать самой, вы не поймете, если что-то будет неладно.

Мужчины переглянулись.

– Госпожа Ветана... вы сможете пожить у нас несколько дней?

– Здесь? – поинтересовалась я.

Кивок.

Только сейчас я поняла, что похожи они, как братья. Один, тот, с которым я шла под руку, постарше. Второй помладше. А так – одинаковые умные темные глаза, одинаковые подбородки, брови... Я перевела взгляд на больного на кровати. Ну, брови точно были похожи.

– Это ваш отец?

– Да.

– Я не смогу остаться. Но приходить буду, если покажете куда.

– Госпожа Ветана, – начал младший из братьев извиняющимся тоном.

Я подняла руку.

– Не надо. Я не одинока, у меня есть друзья, знакомые, есть такие же больные, как ваш отец. Если я внезапно пропаду, начнется шум. Меня будут искать, и это привлечет ненужное внимание. Могу дать клятву, что не сделаю ничего во вред моему больному.

– Кто б тебе поверил! – раздалось шипение от двери.

Я пристально посмотрела на женщину.

– Любезнейшая, ВЫ можете мне не верить, я не настаиваю.

И перевела взгляд на мужчин, тем временем собирая инструменты и лекарства в сумку. Несколько минут братья глядели то на меня, то на раненого, то на женщину, потом старший кивнул на дверь – и все трое молча вышли.

Ну да.

А то я такая дура, и живу я вовсе даже не в Алетаре, и о контрабандисте по прозвищу Угорь ничего не слышала. И татуировку в виде угря на спине раненого не видела.

Смешно.

Но вслух я этого не скажу. Не исключено, что ко мне придет кто-то и из портовой стражи, которая сцепилась этой ночью с контрабандистами, и я так же буду лечить и их. И вновь промолчу. Такова плата за дар мага жизни.

Я не могу убить. А если я выдам этого человека страже, это будет то же убийство, только чуть медленнее. Я промолчу.

* * *

Они вернулись через десять минут. На этот раз говорил опять старший брат.

– Госпожа Ветана, мы бы хотели оплатить ваши услуги. Если вы сможете навещать нас два раза в день...

– Если вы будете меня провожать, – честно призналась я. – Я не знаю эту часть города и побаиваюсь ходить одна по темным переулкам. А вашему отцу требуется врачебный присмотр еще дней десять, не меньше.

Старший кивнул, глядя на меня.

– Благодарю, госпожа Ветана. Вот, возьмите.

Я спрятала маленький кошелек в карман, не потрудившись пересчитать деньги.

– Спасибо. Вы не проводите меня домой? Хотелось бы успеть чуть отдохнуть. Если у вашего отца начнется жар, тотчас посылайте за мной.

– Да, госпожа Ветана.

– Ему бы у меня полежать, но переносить его сейчас нельзя. Сразу бы его ко мне принести...

– Не сообразили.

Искорки в глазах старшего из братьев говорили о том, что мы поняли друг друга. Я – лекарь, их отец – больной, на этом все. Остальное меня не интересует. Ни где он получил такую рану, ни почему его не принесли сразу к лекарю, ни...

Ни-че-го.

Это как в детской игре, где тебе задают вопросы, а ты не должен произносить ни «да», ни «нет». И мы тоже не произносим кое-что вслух. Только в нашем случае от этого выиграют все.

Ничего я не знаю и не понимаю. Точка.

Глава 5

В кошельке оказалось...

Твою рыбу! Сволочи! Твари, ублюдки, контрабандисты! Порву на тряпки!!! Да как они посмели?!

В кошельке лежали три золотые монеты и пять редких розовых жемчужин. Рассветных жемчужин, которые водятся только в нескольких бухтах на побережье, добываются коронными ныряльщиками и строго учитываются. И контрабанда их карается очень жестоко.

Значит, вот как...

Чтобы не донесла, эти твари решили сделать меня своей сообщницей?! Первым порывом было швырнуть жемчужины в две наглые рожи. Остановило только понимание того, что следующим моим шагом будет шаг на кладбище. Козе понятно, наглую лекарку просто убьют, чтобы не выдала.

Оставить их себе?

Если эти жемчужины найдут у меня – это не приговор. Весь жемчуг учесть невозможно – сколько его было уже выловлено и сколько будет выловлено... Жемчужины могли достаться мне от матери или их мог подарить любовник. Беда в том, что я не могу назвать имен. Если назову своих родителей... М-да. И любовника у меня нет... Завести, что ли?

Стук в дверь не сделал меня добрее.

– Да?!

Стоящий на пороге лекарь аж шарахнулся. Видимо, такое добродушие было у меня на лице написано, что хоть ложками черпай и снадобья настаивай. Не хуже будет, чем на змеином яде.

– Утро доброе, госпожа Ветана.

– Господин Крамар, рада вас видеть.

Улыбка удалась мне откровенно плохо, но Дэйв предпочел этого не заметить.

– Госпожа Ветана, не окажете ли вы мне честь? Прошу пойти со мной на гулянья.

– Гулянья? – откровенно не поняла я.

– Послезавтра вечером годовщина коронации. По этому случаю на площадях устраиваются гулянья. Я вас приглашаю в Зеленый город.

Я подумала пару минут. Почему бы нет? Все время отказываться я не смогу, придется принять хотя бы пару приглашений, чтобы потом с чистой совестью сказать, как мы друг другу не подходим. Да и погулять хочется. А может, сказалось мое раздражение, из-за которого я потеряла обычную осторожность. Так я бы отказала, но... А по рождению я могла бы танцевать и на площади в Белом городе.

– Благодарю за приглашение, господин Крамар.

– Дэйв.

– Благодарю за приглашение, господин Крамар, – еще раз с намеком произнесла я. Никаких «Дэйвов», «Дэви» и прочей фамильярности.

Мужчина понял правильно.

– Там будут танцы и королевское угощение. Можно приятно провести время, завести полезные знакомства...

Я вежливо улыбнулась. Ну да. Полезные знакомства с купцами и королевское угощение. То есть хлеб, жаренная на углях птица, средней паршивости танцы... Но иногда так хочется праздника! А я уже столько времени не танцевала.

Что бы надеть?

Господин Крамар прочел на моем лице тяжкие раздумья и откланялся, а я осталась перебирать содержимое шкафа. Идти было решительно не в чем. Впрочем... Лавка старьевщика всегда к моим услугам. Если покопаться, у него можно найти что-нибудь вполне приличное.

* * *

– Госпожа Ветана, доброго здоровьичка!

– И вам не хворать, господин Мирий.

Я улыбнулась знакомому стражнику. Стражники были у меня частыми гостями. Лечила я хорошо, брала недорого, а что жила в Желтом городе, а не в Зеленем, так и не беда. Дешевле станет. Получали стражники вполне прилично, но ведь у всех семьи, дети, тут каждый медяк будешь экономить.

– Так ежели я хворать не буду, вы без работы останетесь, госпожа Ветана.

Мирий, симпатичный мужчина лет пятидесяти, десятник и прекрасный семьянин, не только забегал ко мне сам, но и приглашал время от времени к детям. С его женой мы дружили, чуть-чуть сплетничали во время моих визитов, я рассказывала ей об изготовлении кремов и притираний, она делилась со мной рецептами пирогов, мы были вполне довольны друг другом.

– Ничего, в белошвейки пойду, – рассмеялась я. – Что случилось?

– Да вот... не поглядите ли?

Погляжу, конечно. Тем более что повязку на руке видно издали.

Я привычно развернула бинты, сразу сматывая их в рулончик. Рана выглядела нехорошо. Красные края... Пока не заболело всерьез – ходил, гулял. А как разболелось – мигом ко мне бросился!

– Что случилось?

– Да Угря ловили.

– Угря?

– Контрабандист такой. Нам тут чайка капнула, где у него встреча будет, – посплетничать Мирий никогда не отказывался, но только о делах прошедших. – Подстерегли, да они не потерялись, с ножами на нас пошли...

– Вот ножом вам и досталось?

– Да. Хотя Угря мы тоже приложили. Авось сдохнет.

Жаль вас разочаровывать, господин Мирий. Не сдохнет, в том числе и благодаря моим усилиям. И сегодня ночью я опять пойду менять ему повязку.

– Зато кораблик их захватили, добычу взяли, вчера весь день в бегах. Пока отчет, пока то-се, рану наш коновал промыл, перевязал, вроде вчера и ничего было, а сегодня как-то... Вы лучше делаете. Уж помогите, госпожа Ветана?

Я кивнула. Дело привычное. Промыть, прижечь, перевязать... Но почему рана такая странная? Принялась осторожно промокать выделяющуюся жидкость. Мутноватая. Воспаление? Неужели плохо промыли? Или бинты не слишком чистые?

Или...

– Кинжал чистым был?

Мирий задумался.

– Знать бы...

Такое тоже могло быть. Если кинжал чем-то смазали, а их лекарь рану как следует не прочистил, не промыл... Всякое бывает.

– Придется потерпеть.

Мирий печально вздохнул.

– Ну, надо так надо.

Кусок кожи он закусил и честно терпел, пока я промывала рану, пока осторожно исследовала ее, пока делала примочку со специальным отваром, чтобы вытянуть попавшую в рану грязь. Пот с мужчины лился ручьями, пару раз мне даже показалось, что он смешивается со слезами, но я благоразумно промолчала. Мирий тоже.

Под конец я наложила примочки с чистотелом и подорожником, приготовила настои, перевязала чистой тряпицей и вопросительно посмотрела на стражника.

– Есть возможность ко мне завтра забежать?

– Обязательно забегу, госпожа Ветана.

Я подумала, что вечером надо бы расспросить контрабандистов. Мало ли чем они ножи мажут?

* * *

Оказалось все намного проще. Ножи у них для всего и сразу. И рыбу, и стражников пытались выпотрошить одним и тем же ножом, а вымыть его не догадались. Вот и пошло. Но хоть не яд, и то радость. Мирий точно на поправку пойдет, у меня на это рука легкая. Даже если я своим даром не пользуюсь в открытую, все одно раны быстрее заживают. И воспаления никогда не случается.

Дар...

Вот и Угорь чувствовал себя лучше. Пока в бесспамятстве, но жара, считай, почти не было, гноя тоже, плохого запаха из живота не наблюдалось, и чутье говорило мне, что заживление идет более-менее прилично. Через пару дней можно будет давать ему что-то вроде бульона.

Братья выслушали мой прогноз, но выглядели сомневающимися. Я вскинула брови – что случилось? Признался младший брат:

– Лита нашла лекаря. Тот утверждает, что ранение в живот – верная смерть.

– Он ведь не видел больного?

– Лита хотела, но мы не позволили приводить кого попало.

– А я не кто попало?

– О вас, госпожа Ветана, слава хорошая. Говорят, что вы неглупая и не болтливая, – усмехнулся старший брат.

Я посмотрела на него впрямую. Глаза в глаза.

– Жемчуг – ваша идея или брата? Учтите, я его все равно не верну. Будет мне платой за риск.

Мужчины переглянулись и усмехнулись. Напряжение чуть спало.

Я не знаю, откуда у людей такое странное убеждение, что все продается и покупается, но сейчас они считали, что знают мне цену, и смогли чуть-чуть расслабиться. Купленный человек не так опасен. Разубеждать их я не собиралась.

– Вы догадались, госпожа Ветана?

Это старший брат. Забавно, их имен я так и не знала. Я покачала головой.

– Я ни о чем не собираюсь думать. Вот больной человек, – движение рукой в сторону кровати, – я его лечу. Все.

Братья переглянулись.

– Мы надеемся, госпожа Ветана, что вы и дальше будете придерживаться этого же мнения, – озвучил старший. – Верьте, мы умеем быть благодарными.

Надеюсь, благодарность будет выражаться не в безболезненности моей смерти?

Жить хочется.

* * *

Никогда не была на простонародных гулянках.

Сейчас смотрела вокруг во все глаза. Все было ново, все интересно.

На площади в Зеленом городе горели костры, стояли длинные столы, на которые выкладывали угощение. Можно было присесть к столу, а можно – взять тарелку и отойти в тень. Улицы предоставляли достаточно возможностей для уединения.

Господин Крамар разоделся так, что меня чуть не пробило на смех. Когда он появился на пороге в шикарном зеленом жилете, расшитом золотым кружевом, в таких же зеленых штанах и потрясающей красной рубашке, в высоких черных сапогах и черной шляпе с красным пером, я спешно прикусила язык, чтобы не съязвить насчет арбуза на выезде. Тем более что круглощекостью и круглопузостью господин Крамар действительно напоминал эту ягоду.

Глядя непредвзято, я признавала, что он симпатичный мужчина. Среднего роста, осанистый, со светлыми волосами, чуть редющими на макушке, и светлыми усами щеточкой, с голубыми глазами чуть навывкате и высоким лбом. Да, с животиком, но мало кто из мужчин к середине жизни не приобретает этот ценный атрибут. В целом – приятное лицо с участливым выражением. Только вот – решительно не в моем вкусе.

Мне повезло.

У старьевщика я нашла роскошное платье из черного бархата. Видимо, когда-то это был траурный наряд знатной дамы. Потом она случайно прожгла рукав и отдала платье служанке, а та снесла его в лавку. Такое каждый день носить не будешь, да и не каждой черный цвет к лицу. К тому же – крой. Платье было в пол, с длинными рукавами, которые застегивались на запястьях крохотными пуговками, с воротником под горло, без всякого выреза и вышивки. Ни золотой нити, ни серебряной. Платье было черным, как беззвучная ночь. С моими черными волосами, смугловатой кожей и серыми глазами оно смотрелось очень органично, а кружевной воротник и манжеты, на которые я разорилась, придушив жабу, оживили его, закрыли прожженное место и придали роскоши. Ткань падала тяжелыми складками, благородно переливалась в свете свечей, ее так и хотелось погладить. Лышу себя надеждой, что рядом с господином Крамаром я смотрелась неплохо. Хотя бы не разряженной деревенщиной.

Лекарь не солгал, в Зеленом городе его многие знали. Меня он представлял как госпожу Ветану, юную талантливую лекарку. Мужчины улыбались и кивали, кажется, принимая меня за невесту уважаемого лекаря, женщины смотрели оценивающе. Но я могла выдержать любые взгляды.

Бархат – сложная ткань. Чтобы носить его, нужна идеальная осанка и плавность движений. И то и другое у меня имелось. Выглядела я лучше многих.

Оценивали и скромность наряда, и богатую фактуру ткани, и мое умение его носить, и, судя по злобным женским взглядам, с ролью я справлялась. А вот мой спутник чем дальше, тем больше раздражал меня.

Господин Крамар сначала потащил меня к столам, где нагреб мне на тарелку столько пищи, сколько я за день не съедаю. Потом себе – раза в два больше. А под конец попытался со мной и двумя тарелками уединиться в темном переулке, спугнув целующуюся парочку и едва не вывалив мне на платье жирное мясо. Я едва увернулась, а кусок жареного мяса вместо моего платья осчастливил бродячую кошку.

И, глядя на то, как жадно лекарь расправляется с содержимым своей тарелки, я поняла, что ничего общего у нас не будет. Неприятно на это смотреть. Особенно когда мужчина пытается вести расспросы, деля внимание между мной и жареной курицей.

– А где вы учились лекарскому делу, госпожа Ветана?

– У нас в деревне жил лекарь, господин Крамар. Он и учил меня, ему нужна была помощница.

– Мне тоже нужна помощница, госпожа Ветана.

– Не сомневаюсь, вы обязательно найдете себе ученика, господин Крамар.

– Ох, госпожа Ветана... Тойри, я могу вас так называть?

– Боюсь, это могут понять превратно, – покачала я головой. – Не стоит давать людям пищу для сплетен.

– Вы так рьяно относитесь к своей репутации, госпожа Ветана! Это заслуживает уважения.

Крамар чуть скривился, но крыть было нечем. Я вежливо улыбнулась.

– Что, кроме чести, есть у бедной девушки?

– Но вы-то – не обычная девушка. Вы очень красивая девушка. И талантливая. Хотя ваш талант еще нуждается в огранке, – заверил меня лекарь. – Госпожа Ветана, а не хотите ли поработать у меня в подручных? Обещаю, в оплате не обижу.

Я едва не фыркнула.

Да, сейчас меня это предложение уже не прельщает, но это – сейчас. А где ты был, такой умный, когда по приезде в город я металась по лекарям в Желтом городе, предлагая взять меня хотя бы травницей, ну хоть за несколько серебрушек в месяц? Спасибо госпоже Лимире, вложила ума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.